

МАРИК ЛЕРНЕР

СТРАНА

БЕЛОВОДЬЕ

Annotation

В глухом лесу, на берегах могучей реки, вдалеке от многолюдных княжеств жизнь течет медленно и однообразно. Случайное стечение обстоятельств заставляет молодого парня пуститься в дорогу. А вокруг отнюдь не рай. Чтобы хорошо жить, требуется пролить реки пота и добавить туда немало крови. Своей и чужой. Да и земля обетованная имела свое исконное население до появления славян. И не всегда те аборигены дружелюбны. А некоторые из них и вовсе не люди. Сказочные персонажи оказались вовсе не выдумкой, и у них на людей свои виды, не всегда понятные.

Марик Лернер

Страна Беловодье

Глава 1. Неожиданные происшествия

Опасность! Опасность!

Данила, еще не проснувшись, полоснул мгновенно выхваченным ножом рядом с собой и, вскочив, остолбенел. Акинф застыл рядом, глядя выпученными глазами и старательно зажимая рану в животе. Меж пальцев у него сочилась кровь, тяжелыми каплями шлепаясь на палубу. В тусклом свете убывшей до последней четверти луны она казалось черной.

– Я... не хотел, – пробормотал Данила, окончательно растерявшись и чувствуя, как по хребту текут струйки холодного пота.

– Кочкарь, – сказал плачущим голосом Акинф, – он меня порезал.

– Ничего поручить нельзя убогому, – сипло сказал из-за его спины кормщик. Смутная тень отделилась от мачты и надвинулась с дубинкой в руках, превращаясь в громадного человека.

«Поручить?» – взгляд Данилы остановился на валяющихся у ног Акинфа цепи и мешочке, судя по виду набитом чем-то вроде песка. Такие вещи он знал, не настолько наивен. Хлопнуть по плечу и, когда тот машинально приподнимется, двинуть сзади, где череп соединяется с позвоночником. Так бьют, усмиряя рабов или отлавливая наивных дурачков, мимолетно мелькнуло в голове, пока смотрел на приближающегося Кочкаря. И цепь для того ушкуйник принес. И даже не пытаюсь сделать выпад в сторону могучего бородатого мужика – тот его одной левой заламает, – прямо с места кинулся за борт.

Холодная вода вышибла из головы остатки сонной одури, и Данила торопливо поплыл в сторону берега, вкладывая в бегство все силы. Сзади доносилась громкая ругань и беготня ног. Выскочил на берег и, не сбавляя скорости, кинулся к кустам. На ладье грохнул выстрел, рядом прожужжала злобно пуля, заставив совершить скачок не хуже оленега в сторону. Он нырнул за первое попавшееся дерево и замер, настороженно прислушиваясь и высматривая темнеющий на реке ушкуй.

Даже в нынешнем паническом состоянии он уже достаточно соображал, чтобы не нестись дальше по ночному лесу, не разбирая дороги и с риском ноги переломать. Прямо сейчас они не погонятся – чай, смекают, что беглец унесся далеко и скоро не остановится. Собак не имеется, и на борту всего четверо, вместе с раненым. Груз ценный, так просто не оставят: лихие люди обычно появляются без предупреждения. Тут его затрясло от нервного смеха. И поделом было бы, ограбь их. Нет, ну надо же так нарваться, уму непостижимо.

Не в первый раз ходит Кочкарь мимо их поселка, и сроду никто претензий к нему не имел. Люди как люди. Ничуть не лучше, однако и не хуже прочих, живущих с реки и останавливающихся у них. Неотесанные и богохульники, страшные пьяницы, необузданные гуляки, но это для них с матерью как раз полезно было, пока не переходили определенных границ. Потому что транжиры и не считали каждый медяк, будучи при деньгах. Хвастуны еще, а в общем – обычные парни, нередко рисовавшиеся своим великодушием.

Акинф ему никогда не нравился, какой-то он скользкий и неприятный. Что косил – это от Господа, – но вечно смотрел так, будто чего утянуть не прочь. А кормщик был человек слова и всегда его держал. Любую вещь при необходимости привезет и не столь много сверху попросит. Да и остальные нормальные речники. Никогда всерьез не цеплялись, а что ввали красноты – так кто на реке не врет? Особенно под третью кружку. Не пива, естественно, а нормального питья. Ладейщики же от простого пива ржавеют внутри и скучнеют. А как

кружку крепкого хлебного употребят – тут и выплескиваются подвиги и приключения в огромном количестве. Ведь знал же головой – все чушь, жизнь гораздо хуже и неприятнее, – а тут развесил уши.

Ну как же, практически свой. Вместе идем, и он на равных с опытными ушкуйниками. Дорога достаточно опасная, гридни с князьями здесь не водятся, а и встретятся – так недолго им обчистить проезжего человека. Жаловаться некуда и некому. За водопадами люди вольные и закона не чтут. Точнее, уважают очень избирательно и по мере сил. Еще, помимо всяких разных, в лесах немирные сеземцы попадаются. Вот и ходят сторожко, становясь на якорь посреди реки и держа одного человека на страже до утра.

Тебе, Данила, и урок, как считать себя одним из них, чтобы им всем в горле кровь колом встала. Черт, черт, напряжено прислушиваясь к голосам, доносящимся с ладьи, думал он. В ночной тишине по воде звуки разносились достаточно далеко, но ничего толком не разобрать. Ругаются по-черному. Кажется, Акинф кончается. Туда ему, гаду, и дорога. Жаль, клыков на память не возьмешь. Все же первый мой покойник. Надо обязательно к батюшке зайти и попросить отпущения грехов, как клюдям попаду. Почему же слухов никогда не было?

А может, потому что не от всех избавлялся хитрый Кочкарь? Кого и честно довозил, и тот весточку присылал со временем. А кто исчезал бесследно – так вроде и не его вина. Все равно странно. Раб из словен сразу в глаза бросаться станет. Можно, конечно, язык отрезать, с содроганием догадался, но если не в шахту, рано или поздно у людей могут появиться вопросы. Тем более что я и писать умею, а пальцы отрубать совсем уж ни в какие ворота. Работать тогда чем? Непонятно... Совсем непонятно...

Изгоям такой тоже не особо нужен. Он же не мастер какой великий, чтобы держать на привязи, пусть кое-что и может. А обычного парня покупать за золото – так лес велик, убежать недолго. Проще предложить в род войти. Не то... Совсем не то. Шахты серебряные остались на западе. Да и железо со свинцом и серой тоже в горах добывают. А возле Нового Смоленска про них никто не слышал. Золото? Так там монастырь всех давно подмял и трудяг хватает без сомнительного раба.

Черт! А кто вообще сказал, что мы туда идем? Кочкарь. Ну-ну. Ведь чуял, нам южнее надо, а он все заливал про извилистое русло.

Ну да, на Дону вырос, и не удивить, что на одном участке своего течения он тянется в два-три раза больше, чем идти по прямой. Конечно, странно, что последние пять или шесть дней река стала абсолютно безлюдной. Это если в день по течению нормально пятьдесят-шестьдесят верст, так жуть куда отмахали от обжитой местности. Мелькали бесконечные повороты, лесистые холмы, менялось все кругом постоянно, и ежеминутно ждешь новых чудес. Впереди заманчивые дали...

Почему он должен был сомневаться в словах опытного знатока, тем более что и остальные ничуть не изумлены? Им и раньше попадались лишь жалкие маленькие хутора и еще более убогие бревенчатые хижинки. Земли пока хватало и за водопадами, и сюда, кроме охотников да изгоев с еретиками, мало кто уходил. Берега, вопреки отцовским ожиданиям, заселялись спокойно и неторопливо. Единственным местом, имеющим право называться городом в ближней округе, оставался Новый Смоленск.

Прошло добрых семьдесят лет с выхода за прежнюю границу княжеств, но на берегах Дона по-прежнему отсутствует сколь-нибудь многочисленное словенское население. Земли и без того хватало в прежнем Беловодье – в Долине, Приморье и на юге, чтобы уходить сильно

далеко в глубь лесов. Единственная серьезная попытка захлопотать мужиков, предпринятая Олегом Проклятым, закончилась немалой кровью и обезлюдением приморского края с массовым бегством крестьян за хребет в долины. Пришлось собирать княжеский съезд и отменять новые постановления, прикрепляющие к земле. Иначе могло оказаться, что некем править и отсутствуют работники.

Люди уходили в межгорье, и никакие меры, даже самые страшные, не помогали. Скорее вызвали озлобление и массовое сопротивление, в результате которого многие княжеские роды пострадали. Будь на востоке некий опасный враг, может, что и вышло бы, но немногочисленные самоедские племена вытеснялись без особых усилий. Да они по большей части и не имели ничего против пришельцев. Лес огромен, места хватает, словены принесли много полезного, начиная с хлеба, лошадей и коров и заканчивая железом с водкой.

Впрочем, и у местных пришельцы позаимствовали множество сельскохозяйственных растений и всю употребляли их в пищу. Хотя самоеды полей не держали, всего лишь маленькие огороды, и то в основном опять приморские и горские племена. В лесу проще жить охотой, но очень быстро сеземцы оценили рожь, соль, ткань и тем более железные инструменты.

В общем, не удивило отсутствие людей по дороге и не насторожила длительность путешествия. И только то самое пресловутое несуществующее у нормальных людей чувство вовремя подняло. Иначе наверняка бы закончилась его жизнь не лучшим образом. Данила вздохнул и уселся рядом с деревом, продолжая смотреть за ладьей и уплывая в воспоминания. Тогда тоже началось с внезапного пробуждения.

* * *

Страх не было, но он твердо знал: надо срочно уносить ноги. Даже о причине в курсе. Угроза надвигалась со стороны реки, и это почти наверняка Олекса. Как в скоморошьей байке, муж вернулся раньше времени. Только вряд ли это выйдет смешно, когда разъяренный хозяин баркаса примется гоняться за ним с топором. Разве соседям тема для пересудов и смешочков. А ведь погонится обязательно и, положив руку на сердце, будет в своем праве. Значит, самое умное – не давать повода.

Данила соскочил на пол и принялся торопливо натягивать разбросанные одежды. Мария подняла разлохмаченную голову с подушки и сладко улыбнулась, будто не замечая своего абсолютно голого тела. Зато он с трудом отвел глаза. И вроде бы после сегодняшней ночи ничем женщина его удивить не могла, все эти приятные на ощупь и вкус богатства он обследовал досконально, но так явственно от простого движения вновь прозвучал призыв, что кровь бросилась в голову. Да и не в одну.

– Ты это куда? – спросила женщина хриплым со сна голосом.

– Домой, пока не хватились, – рассказывать о предчувствии очень не хотелось – наверняка смеяться станет. Олексе еще дня два болтаться по воде, не меньше.

– Фроська, что ли, заметит?

– Ты мать не трогай! – сразу зверея от откровенного намека, возмутился Данила.

– Да я ниче, – лениво сказала Мария, садясь на кровати и потягиваясь, так что груди торчком встали, и нахально уставились на парня, мешая нормально дышать. – Но кто же крышу починит?

Вот с этого все и началось. С абсолютно невинной просьбы подсобить. Сначала дверь в хлев поправить, потом печь проверить, чего дымит, а там и до крыши недалеко.

До него с огромным запозданием дошло, что все это было не просто так. И попадаться на дороге Мария ему стала последнее время постоянно, заговаривать с шуточками и откровенными намеками. А уж вчера вечером только что прямо на шею не вешалась. Уж как вилась рядом – то бедром, то рукой будто невзначай коснется. Ну, он в конце концов не железный, не выдержал. И очень глупо о том жалеть. Мария баба красивая и не старая. Как в церковь идет принаряженная – на нее многие поглядывают. Мужики облизываются, бабы хмурятся.

А с Олексой ей не повезло. Вечно хмурый, пьет, бьет и хозяйство на жену свалил, а сам то на рыбалку, то на охоту. Лишь бы дома не сидеть. Чего ему с такой женщиной не хватает, уму непостижимо. Сладкая, как мед, и так и плавится под руками, горя желанием.

Не настолько Данила соскочил с ума, чтобы не понимать, насколько повезло с первой женщиной. С девками в кусты шляться – в момент обженят, да и все здешние наперечет. Такого счастья ему не надо. А здесь само в руки пришло, и многое узнал. Блаженство она дарила с охоткой, и он не прочь продолжать хоть каждый вечер, пусть и трижды грех с замужней бабой баловаться.

– Обязательно закончу, – твердо пообещал. – И сверху, и снизу, – она хихикнула, – и сзади. Все, что твоей душеньке угодно. Только делу время – потехе час. Соседям на глаза с утра попадаться не след.

– Ты обещал, – поманив к себе, сказала и впиалась в губы поцелуем, когда Данила приблизился. Он отстранился с трудом, почти оттолкнув горячее женское тело. Время стремительно уходило, и пора было драпать со всех ног. Никогда раньше так четко предчувствие не проявлялось.

– Только позови, – сказал уже от двери, подхватывая ящик с инструментами.

Выскользнул наружу в темноту, слабо подсвеченную звездами, и прислушался. Сейчас выйти через ворота – прямо напороться на хозяина. Если, конечно, тот идет домой. Проверять и нарываться не тянуло. Лучше уж через забор. Сам жердины сегодня устанавливал, сам и выбьет.

Как по заказу, через самый краткий срок уверенные шаги босых ног. Совсем иначе звучит, чем в обуви. Взрослые обычно не гуляют так. Это детишки бегают до самых холодов на лысую ногу, а мужикам несолидно. Или когда даже на обычные сапоги не хватает.

Нырнул за угол и замер под окном. Слава богу, собаки не держат, а то бы разбрехалась. Вот их Зубастик моментально нашел бы чужака и поднял шум. Двор пес считал своей личной собственностью, и когда были постояльцы, страшно злился.

Ну так и есть, стук калитки. Пришел. Шаги по крыльцу.

– Вернулся? – спросила Мария томно.

Звуки из полуоткрытого окна доносились хорошо. Черт, они даже нормально не закрылись, прежде чем свалились в постель.

– Ага, – бодро ответил Олекса.

Видеть Данила ничего не мог, но очень ясно представил, как она замерла от неожиданности. Муж принялся что-то рассказывать о неудачном улове. Огромный сом порвал сеть и уволок с собой. Чем-то он при этом гремел, шумел. То ли бросал на пол какие-то предметы, то ли еще какой-то ерундой занимался. Главное, ничего не почувствовал, и можно сваливать.

Тут он замер, пораженный. Впервые дошло: а как он узнал про возвращение Олексы? Никогда ничего подобного с ним раньше не происходило. Даже когда отец умер, спокойно купался с ребятами и радовался, что удрал от нудных уроков батюшки. Ничего не стукнуло.

И ведь не ошибся! Ладно – это можно и позже обдумать. А пока тихонько домой.

Зубастик ожидаемо обнаружил его сразу, не позволив дойти до порога. Умчался и приволок задавленную крысу: похвастаться. Пес уже в возрасте и не особо красив, низкие лапы, длинное туловище, но охотник непревзойденный и передал свои замечательные качества множеству щенков. У женской половины собачьего общества пользовался немалым уважением, регулярно побеждая в драках даже более крупных псов. Но важнее всего для него была охота. И если не в лесу, так в личном хозяйстве. Домашнюю живность давить запрещено, и это он усвоил давно. Потому ловил постоянно крыс и притаскивал на глаза хозяевам, требуя одобрения. Пришлось наклониться и почесать между ушами, выражая довольство и уважение.

Под кронами огромных орехов стоял тесаный пятистенок с крытой галереей и примыкающей необъятной кухней. Двор был обнесен частоколом, за которым торчала крыша коптильни. С улицы незаметны хозяйственные постройки – ведь изначально их жилище задумывалось как приют для странников, но уже не первый год еле сводили концы с концами. Не зря он был по первой просьбе готов помочь соседу. Денег за такое не давали, однако в их поселке никто не гнушался брать продуктами, дровами или еще какими вещами за услуги.

– Мальчик вырос, – сказал женский голос с отчетливой насмешкой, стоило переступить порог родного дома.

Темное лицо их старой рабыни, всю жизнь прожившей с семьей и каждого из детей кормившей, поившей и воспитывавшей, иногда достаточно тяжелой рукой, без освещения почти незаметно. Одни белки глаз выделяются. Чужому недолго и испугаться, впервые такое обнаружив. Парень не удивился. Старуха частенько не ложилась спать, дожидаясь его возвращения. Правда, обычно так поздно он не гулял, не предупредив.

– Это ты о чем, Хиония? – спросил Данила с деланной наивностью.

– Вот так всем и отвечай, – хмыкнула она, зажигая свечку. – Раз уж вместо головы принялся думать тем предметом, что между ног незнамо зачем болтается. Иначе огребешь большие неприятности, и достаточно скоро.

– И почему тебя в крещении не назвали Всевидой? – удивился, садясь за стол и цапая кусок хлеба, оставленный ему вместе с накрытой холстиной тарелкой с кашей, сдобренной маслом и какими-то травками. Готовила она бесподобно. Ах, какие блюда выходили из-под ее рук! Роскошные гречневые блины, горячие лепешки с сиропом, пироги с персиками, запеченная дикая индейка, кролик под соусом, горячие сухарики только что из печки и многое другое. Да и вообще кухня и дети были с давних пор ее вотчиной, и она никого сюда не допускала.

– Если бы... У нас в роду шаманов не было.

– А ты помнишь? – заинтересовался Данила. – Ведь говорила, девочкой была, когда в плен попала.

– Десять лет – не так уж мало. Кой-чего не забыла. Имя у меня отнять нельзя – Зэра. И память тоже. Все вот тут, – она постучала себя по лбу, – сохранилось: из какого рода происхожу, и как мои родители, братья и сестры под клинками умирали.

– Ты, наверное, ненавидишь словен, – сказал Данила пораженно.

– Глупости, – сказала Хиония. – Как я могу не любить свою молочную дочь, я ведь

выкормила Ефросинью Никитичну.

Имя матери прозвучало подчеркнуто-уважительно.

– Вы – моя семья. Ты, Богдан и ваша мать. А всех прочих я не то что любить – уважать не обязана. Ешь и спать иди.

Она поднялась и со всем возможным достоинством, спина прямая, будто смирена отвесом каменщика, удалилась. Данила знал, чего ей это стоило. Ноги болят уже давно: когда никто не видит, держится рукой за стену при ходьбе. Потому он и взял на себя кучу домашних забот без напоминаний, освободив старуху от огорода, дойки коров и кормления прочей скотины. Хионию он любил. Наверное, больше, чем собственную мать.

Их холопка возилась с ним, сколько помнит, и даже раньше, когда он был младенцем. Всегда была рядом и готова помочь, подсказать и дать совет. Чем старше он становился, тем лучше сознавал, насколько им повезло. Она правдива, честна до безобразия в разговорах и делах. Еще и рассказывала многое такое, за что мать ее вечно бранила за закрытыми дверьми.

Ефросинья Никитична происходила из обеспеченной купеческой семьи. За ней в приданое когда-то дали одиннадцать домашних холопов. Правда, это все по рассказам. Сейчас кроме Хионии осталось лишь двое, отданные в аренду местному кузнецу Титу. Только благодаря им семья еще могла более или менее нормально существовать. В их поселке все достаточно четко подразделялись на несколько категорий. Были люди из «хороших» семей, более простые и совсем отребье. Рабы-холопы и сеземцы в счет не шли. Первые были собственностью, а вторые стояли вне рангов и часто за людей не считались. По крайней мере, некрещеные.

Естественно, все с детства прекрасно знали, кто к какой группе относится. Особо не важничали, но и не позволяли забыть нижестоящим о разнице в положении. Поэтому когда погиб отец, а мать растерялась без крепкого плеча и сначала не смогла удержать хозяйство на плаву, тем более что и Дон основательно подгадил, изменив течение и отодвинувшись от их пристани на добрую версту, так что путешественникам стало неудобно ночевать или столоваться у них, многие в душе злорадствовали. Потом мать стала пить, и все вообще покатило под откос. Ей не было ни до чего дела, и приходилось самостоятельно тянуть воз проблем.

Данила доскреб остатки каши, подумал и пошел в сторону комнаты матери. Заглянул в дверь и мысленно поморщился. Опять валяется не раздевшись и даже со сна пышет перегаром. На полу лежала трубка. Табак курили многие, но женщины старались в своем кругу или в одиночестве. Только пожилые могли себе позволить курить открыто. Считалось, курение помогает от болей в суставах. По его мнению, скорее заставляло страшно кашлять и плохо влияло на дыхание. Чуть ли не единственная вещь, в которой он сходилась в неодобрении с церковью.

Подобрал трубку, собираясь положить ее на столик, и тут его пробило вновь. Он внезапно почувствовал себя в шкуре собственной матери. Это накатило и ушло, оставив после себя какие-то обрывки и куски. Но теперь он смотрел на мать совсем другими глазами. Он помнил, какой она была когда-то в молодости. Мягкой, отзывчивой, веселой, обожающей танцы. Не раз кидалась на защиту несправедливо обиженных, и все равно кто эти люди, даже чужие рабы.

Не побоялась встать на пути всем известного пьяницы, готового убить любого с залитых глаз, когда тот гнал за дочерью с плетью, собираясь избить. И ведь фактически пошла против воли родителей, выйдя замуж за пусть и не бедняка полного, но не желающего жить

привычной жизнью и уехавшего в тайгу. И пошла за ним, потому что любила, а вовсе не по обязанности.

Шестерых детей родила, и четверо умерли. Это рвало сердце бедной женщины, и тем важнее для нее были оставшиеся. Не зря она надоедала с учебой и заставляла выучивать массу, как ему казалось, ненужных вещей. В этом был для матери огромный смысл. Она пыталась дать им достойное образование и облегчить будущую жизнь.

Да, у нее имелась слабость, она любила поговорить о своих достигших многого предках и мечтала лишь о том, чтобы ее сыновья пошли по их стопам, а не остались ковыряться в земле. Но она была в достаточной степени добродушной, чтобы не ругать за проделки и шалости, и любила хорошие шутки. Даже в детстве Данилу пороли крайне редко и за действительно серьезные провинности.

Он осторожно сел рядом с матерью и положил руку ей на лоб, ощущая, насколько тот горяч. Посидел так несколько минут и, ощущая неловкость, захотел убрать ладонь. Очень давно в последний раз пытался приласкаться. Сначала ей было не до него, затем он вечно занят и не особо рвался обниматься с вечно пьяной.

– Нет, – сказала она неожиданно ясным голосом и прижала его ладонь своей. – Подержи, пожалуйста, еще, сынок. Так хорошо... Прости меня, – сказала после долгой паузы.

– За что?

– За то что я забыла о тебе. И обо всех вас. Мне было тяжело: потеряв мужа, я попыталась сбежать в грезы. Спасибо за сделанное тобой и за напоминание – жизнь еще не закончилась...

Глава 2. Дальние планы

Рассвет вышел изумительным. Первые лучи солнца окрасили реку в кровавый оттенок. По воде бежала рябь от легкого ветерка, а на противоположном берегу темнела мрачная громада леса. Остается лишь нарисовать огромную картину, не забыв легких перистых облачков на небе, и, вставив в красивую раму, повесить в комнате, как это было у тысяцкого в избе. И даже чернеющий на якоре кораблик, создающий неприятное чувство, очень уместен для оживляжа этого... как его... пейзажа.

Красоты природы – вещь, безусловно, хорошая, но он так и не смог понять, в чем смысл рисовать их красками. Может, в больших городах или горах приятно смотреть на такие поделки, а правильной человека изображать как есть. Люди хотя бы платят за свой образ на холсте, а то вся эта мазня – пустое дело, выходят сплошные траты. Впрочем, сейчас его гораздо больше занимало поведение людей с ладьи. Они поставили парус и двинулись дальше вниз по течению.

Этого Данила не понял. Получается, плевать на беглеца? По размышлении вышло два варианта. Либо играют для наблюдателя, то есть для него, а сами отплывут ниже, и когда он спокойно разложит костер, выйдут на дым без особых проблем. Либо, что гораздо хуже, не особо опасаются его рассказов о происшедшем. Надо еще добраться до людей, а в лесу может случиться все что угодно, включая дикарей неприветливых. А потом слово против слова – и все трое (если выживет Акинф, то и четверо) дружно заявят на любом суде, что он напился и напал без всякой причины. Неизвестно еще, кому скорее поверят – молодому незнакомому парню или хорошо известному солидному купчине. Как бы с головой на расправу не выдали.

И что теперь делать? Но что, собственно, возможно, кроме как выходить к людям! А вот на месте надо хорошо думать, кому и что говоришь. Незачем загадывать. Так... Что я имею? Практически ничего. Полный и окончательный нуль для начала, как говорил отец. Только рубаха со штанами, несколько мелких монет в потайном кармашке пояса, полученных в дорогу, и нож. К счастью, совершенно не помня в какой момент, успел сунуть в ножны и не потерял немалую ценность по теперешним обстоятельствам. Хорош бы он был без малейшего подспорья. Даже сапоги остались на борту вместе с остальными вещами.

Жальче всего любовно собираемых, покупаемых и изготовленных инструментов на все случаи жизни. В ящике, с собственноручно прилаженной ручкой, в отдельных частях хранилось множество полезных вещей. От топора и пилок до резцов для работы по дереву, металлу и мелких приспособлений механика. Напильники и отвертки, клещи, кусачки, щипчики, молоточки, сверла. Даже собственноручно изготовленная наждачная бумага из посыпанной черными опилками парусины, смазанной крепким рыбьим клеем. Все это добро могло стоить немалую сумму у знатока.

В общем, в чем бы ни была причина ухода ушкуя, надо убираться подальше. Но босым по лесу не очень пошляешься. Крайне удачно наличие ножа. Значит, можно изготовить лапти. Мало кто ходит в них, разве последнее отребье, но общие представления о процессе имеются. Приходилось плести корзинки, короба. Присмотрев ближайшую подходящую липу, принялся снимать лыко полосами, прикидывая необходимое количество.

Конечно, правильно размочить, тогда гибкость улучшается. Материал не ломается и легко гнется в нужную сторону. К сожалению, лучше долго не задерживаться здесь. Береженого бог бережет. Потому пока сойдет чисто подошва. Чтобы держалась, отрезал от

рубахи широкие рукава, употребив их на онучи, благо не шелковая, обычный лен. Прикрепил все это скороспелое изделие лыковым шнурком и поднялся, пару раз притопнув.

Нормально. Не сваливается. Пару дней продержится, прежде чем развалиться. Позже надо озаботиться нормальными лаптями, но в данный момент желательно оказаться подальше отсюда. Идти вдоль реки удобнее и точно не собьешься с направления, но сейчас опасно. Очень не хочется выйти прямо на засаду, если где-то ниже делает петлю, – тогда они просто подождут его на излучине: сам придет в «ласковые» объятия. Идти напрямик – безусловно, риск, но тут уж придется выбирать между плохим и опасным. Или это все ерунда и на него махнули рукой? Ой, не верится.

Куда идти? Назад по реке – глупо. Где-то там еще и часть команды поджидает. Могли знать о сомнительных планах приятелей и выйти на ушкуйников, отдаться в недобрые руки. Вперед – неизвестно где город. Если ушли в сторону по притоку, все равно людей проще искать по прежнему маршруту. Солнце вставало там, восток известен. Прямая дорога на запад ждет. Рано или поздно упрется в горы и встретит людей. Хотя правильной двигаться на юго-запад. Подозрение в сильном заходе на север оформилось достаточно прочно. И поскольку он все равно не в курсе прежнего маршрута, можно особо не волноваться раньше времени, определяя обратный путь чуть левее на лапоть от солнца. Главное – на запад.

Леса Данила не боялся: не тот месяц. Зимой без одежды и оружия – верная смерть. Сейчас травень, ^[1] и надо быть убогим, чтобы не найти пропитания. Тайга начиналась прямо за их поселком. Многие больше проводили в ней времени, чем на поле. Охота считалась правильным и уважаемым занятием для мужчины. Отец ходил постоянно и его с собой брал. До дикарей, живущих одними дарами чащи и не подозревающих о ржи с пшеницей, ему конечно далеко, но шансов выжить уж точно побольше, чем в драке с кормщиком и его подручными. Без ножа пришлось бы плохо, а так впереди нелегкая, однако проходимая дорога.

Когда солнце уже слегка перевалило за высшую точку, намекая, что время идет к обеду, он обнаружил на дереве тетерева. Случайный ежик, на свое несчастье попавшийся, которого собирался запечь в глине, уже не показался при виде птиц таким уж аппетитным. Стараясь не делать резких движений, Данила обломал молоденькую иву, проверил гибкость и хищно ухмыльнулся. На петлю, привязанную к концу палки, пустил очередной кусок рубашки. Она стремительно уменьшалась в размерах, но это не самое худшее, что с ним случилось.

Тихонько, подкрался к дереву и очень осторожно, буквально замирая на каждом движении, поднес ловчий шест к ближайшему тетереву. Попытался затянуть, но получилось плохо. Птица, выразив возмущение, передвинулась на ветке, оправдав давнее мнение о наибольшей тупости их породы в сравнении с остальными летунами. Со второго раза нападение вышло более удачным. Скользящая петля затянулась, и он стащил глупую курицу на землю, одним резким ударом избавив ту от страданий. Вот теперь тетерева нечто странное заподозрили и, заполошно кудахта, взлетели, удаляясь от подозрительного двуногого. Видимо, перестарался с хлестким действием, или кровь почуяли.

Уже голодным не останусь, решил Данила, с сожалением глядя вслед спугнутой добыче. Настоящий охотник взял бы не меньше парочки. Только ему и не требовалось подходить близко, возразил сам себе. Дробью или стрелой снял бы с расстояния. Пока что пора сделать привал, а лучше ночевку, и хорошенько покушать. Но для этого требуется добыть огонь. Каждый приличный человек, уходя надолго из дома, берет с собой кресало и огниво. Его

собственные уплыли с остальным добром в неизвестном направлении навсегда. И хоть никогда раньше не приходилось этим заниматься, пришло время воспользоваться самоедским способом.

На словах все просто: вращаешь сосновую палочку в сухом чурбаке с большой скоростью. Руками это неудобно, потому используют лук. Крайне важно при этом оставлять желоб для поступления воздуха. Раз-два – и готово. На деле он все время посвятил поиску подходящих инструментов. Если вращательную палку размером со стрелу не так сложно обнаружить и прямо на ходу обстругать кончик, то чурбачок должен быть твердым, одновременно сухим, то есть от уже умершего дерева. Причем гнилые остатки не подходят. Не так легко найти подходящее. Потом еще правильно выдолбить отверстие и тщательно срезать заусенцы.

Нормальное деревце под лук проще всего отыскать. Даже березка подойдет. Это ведь пока заготовка – грубая, без отделки, но упругая и подходящая для нужной цели. А вот тетива – совсем другое дело. Ничего более подходящего, чем шнурки у рубашки, закрывающие ворот, под рукой не имеется. Волосы слишком короткие и не подойдут, а сухожилие, обычно используемое для этой цели, надо еще добыть, что совсем не просто без оружия.

Ну, за неимением нужного, придется воспользоваться заменителем и радоваться, что хотя бы нож при себе. Искать подходящий камень для резки и рубки деревьев – занятие не из самых приятных. Особенно на голодный желудок. Да и возиться достаточно долго, изображая топор.

Чуть ли не впервые в жизни искренне помолился, прося Господа помочь. Правду говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Вставил острие сверла в дырку, положив расщепленную на мелкие кусочки кору. Мысленно перекрестившись, стал двигать лук перпендикулярно сверлу вперед-назад, заставляя его вращаться.

Не так это легко, как кажется. Сначала пошел дымок, быстро выдернул свой инструмент, давая дополнительный воздух, и принялся подсовать мелкие сухие щепки. Затем в ход пошла уже целая ветка, и он принялся счастливо приплясывать у разгоревшегося костра. Руки болят – ерунда. Когда мальчишкой впервые трех коров подряд доил, тоже сводило, и даже за ночь не прошли. Потом привык.

Первый этап успешно пройден. Еда имеется, огонь тоже, трут он сделает. Голодуха не грозит. Теперь поесть, заняться доведением лука до ума – и спать. Дорога впереди неблизкая, и надо бы найти еще подходящие заготовки для стрел. Не такое уж простое дело, как кажется. Абсолютно прямые ветки в природе попадаются совсем не часто. Перья для стрел у тетерева взять, наконечники хотя бы обжечь на огне. Копье? Сомнительна необходимость, и насаживать самую большую драгоценность – нож – в качестве острия крайне не хочется. Всадишь какому оленю, а он убежит с ним. Лучше подходящую дубину найти. А по ходу смотреть под ноги внимательно. Может, найдутся кремень или обсидиан. Хотя последний вроде бы только в горах обнаруживали.

* * *

– Неужели сделал? – преувеличенно-восхищенно вскричал Иван Вышатич.

– Ага, – односложно подтвердил Данила, осторожно разворачивая холстину и извлекая оттуда увесистые часы. Теперь их требовалось повесить на прежнее, сиротливо пустое

место.

Он прекрасно знал: тысяцкий, при всем хорошем отношении к нему, доверил посмотреть наиболее ценную и вызывающую неподдельную зависть знакомых и соседей вещь исключительно от безысходности. Исправить поломку никто в округе не мог. Единственный часовщик жил за пару сотен верст, если не дальше, и прославился в основном запоями со скандалами. Да и тому пришлось бы заплатить порядочную сумму серебром. Данила обойдется гораздо дешевле и без монет. Лошадей для вспашки, пару холопов на посевную и уборочную да ткани с кое-какой мелочью из собственного магазина – то есть практически задешево.

Данила сам взялся, и не столько из желания подработать, пусть это и имело достаточно весомый смысл, а хотелось потрогать руками и разобраться в механизме. Кто бы ему позволил ковыряться в исправных часах! А так – вроде и терять особо нечего. Не он – так никто. А вещь дорогая и, как выражается мать, статусная. Любой посетитель при виде ходиков впадает в изумление.

Самое главное, они особо и ни к чему. Время считают до сих пор от восхода солнца – получается, количество часов постоянно изменяется. Летом их больше, зимой меньше. Никого не удивляет, с детства знают как надо, а прибыть ровно к такой-то минуте и в голову не стукнет. Механический отсчет важен для церкви с определением праздников и надуванием щек, остальные и так замечательно обходятся привычным образом.

– И что там было? – в очередной раз изучая хорошо знакомого умельца, спросил Вышатич. Ничего особенного с виду. На улице таких пяток на пучок. Простоватый на вид, с натруженными руками и достаточно крепкий, но не богатырь. А мозги работают – как ни у кого в округе. Все-таки передается нечто через род, не зря говорят про хорошую кровь.

– Шестеренка треснула, – пояснил Данила. – Пришлось выточить специально и подгонять, – сказано не без намека. Дополнительный труд и наградить не мешает. Корову сверх обычного выдавить из скаредного хозяина вряд ли удастся, но существуют и иные любопытные варианты. – Не так просто было найти подходящий материал.

Он долго возился, чистя бесчисленное количество зубчатых колес, осей и шестеренок. Важно было понять причину отказа работать, а не лезть в тонкий механизм сходу ногами. Очень тонкая миниатюрная техника и ценность прибора, иногда даже самая годность его, зависела от точности и аккуратности выполнения. Разобрать любую вещь – невелика сложность. Собрать ее из отдельных деталей – иногда настоящее искусство.

Перевел стрелки, специально соединяя их на двенадцати (правильно поставить можно и потом) и с гордостью услышал раздавшуюся музыку. Все семейство Ивана Вышатича, включая парочку дворовых девок и стряпуху, застыли вокруг с разинутыми ртами и восторгом в глазах. Это по-настоящему приятно и сбивало спесь с лучшего рода в городе. Тысяцкий – власть, но мастер здесь Данила, и другие ему в подметки не годятся.

Мастерская ему досталась от отца, и первые шаги по обращению со всевозможными инструментами он прошел под его руководством. Сначала то были несколько простеньких слесарных инструментов, затем появились маленький верстак и тиски. Он в основном помогал, участвуя в починке всякой корабельной снасти, получая попутно уроки с объяснениями, что есть «матка»^[2] и как она работает, а также о звездах, помогающих путешественнику ориентироваться. Да много всякого он узнал как бы между прочим, в ходе почти игры, создавая под руководством отца маленькие модели механизмов и игрушки.

А потом вдруг все внезапно рухнуло. Обычный порез – и стремительная смерть от

горячки, заставившая подставить спину под тяжесть всего хозяйства еще в самом юном возрасте. В этой обстановке работа в мастерской по заказу или для собственного удовольствия дарила отдых и несомненную пользу. Не только выучился хорошо владеть топором, пилой и рубанком, но освоился с циркулем и линейкой, умел составить чертеж и знал, что называется масштаб и зачем тот потребен.

– У Данилы истинно «золотые руки», – сказала жена тысяцкого. – Таковую работу сотворил! Настоящий строитель.

Она вовсе не имела в виду каменщика, складывающего соборы или крепость. «Строитель» в понимании местных (мать смеялась и говорила с превосходством бывшей жительницы Китеж-града: необразованные люди) означал мастера-ремесленника, способного не просто повторять чужие изделия, но и улучшать, а также изготавливать новые, никому прежде неведомые и полезные вещи. Впрочем, такой мог бы и дом построить без особых проблем. Звали же Данилу печь сложить, хотя он и молод.

– Да, да, – радостно поддержала ее дочка, – у отца Федора до сих пор нервный тик случается при известии о новых постройках нашего лихого мастера.

Вся остальная компания дружно залилась смехом. И ведь ничего ужасного не случилось. Просто поставил на огороде чучело, которое при легком ветерке начинало крутиться и размахивать руками, распугивая пернатых. Кто же знал, что бабка Татьяна как раз мимо пройдет и перепугается не хуже ворон.

Мало того, побежала в церковь жаловаться на нечистую силу, и целый отряд святош заявился с крестами и святой водой. Хорошо, отец Федор все же не совсем пенек и колдовства в том явлении, внимательно изучив пугало, не усмотрел. Даже не стал налагать епитимью или требовать порки. Выслушал пояснения и удалился, попеняв на плохую посещаемость церкви. А многие бабки до сих пор стараются мимо не ходить, подозревая невесть в чем.

– К ручному труду, слесарному и столярному делу у Данилы несомненные способности, – твердо отрезал Вышатич. – Он может далеко пойти, коли дурью маяться не станет.

– Это ты о чем, батюшка? – заинтересованно спросила дочка, наивно хлопая глазками.

– А чтобы не запил, как среди мужиков водится. Настоящего дела здесь нет, вот и заскучает, – вмешалась жена хозяина.

У Данилы осталось стойкое впечатление, что речь шла вовсе не о том. Как бы не на Марию намекал тысяцкий. Ну да, шастает он к той, когда муж в отлучке, и ничуть не жалеет. Но ведь стерегся всерьез. Неужто видели ночью? Это кто же такой глазастый и зачем докладывать моментально побег?

– Все, – сказал хозяин, – нечего торчать столбами, насмотритесь еще на часы. А ты, – это уже парню, делая призывный жест, – идем со мной. Есть у меня кое-что для тебя, Никифор привез, – то есть приказчик в магазине и одновременно зять через старшую дочку, регулярно мотавшийся за товаром на западные земли.

На столе в отдельной комнате, где тысяцкий обычно занимался делами, лежал небольшой отпечатанный в типографии томик заметно потрепанного вида, с надписью на обложке «Межевание».

– Можно? – спросил с замиранием сердца Данила.

Книги были редкостью и немалой ценностью. Они делились на два вида – рукописные (в основном старинные, на пергаменте, соответствующе и стоящие огромных сумм) и

печатные. Которые в свою очередь подразделялись на три категории.

Первая – имеющие отношение к божественному. Библия, Евангелия, Книги Исхода, Псалтырь, Часовник, Часослов, Шестоднев, Большой Катехизис, Стоглавый Собор, Жития святых, молитвенник и многое другое. Они даже оформлялись сходным образом с рукописными. Печатавая книги, старались подражать древним образцам не только в украшении, но и манере письма.

Основной текст писался «полууставом» черными чернилами. Заглавия исписывались киноварью (красными чернилами). В названиях нередко использовалась «вязь», а в заключительной части текста помещалась орнаментная концовка. Произведения украшали инициалы, буквицы и миниатюры.

Вторая – это образовательные и познавательные. Буквари, брошюры, обучающие науке – арифметике, грамматике, истории. Для желающих совершенствоваться и любознательных руководства и справочники по медицине, всевозможные травники, с рецептами лекарственных настоек и рисунками нужных растений. А также о сельском хозяйстве, животноводстве, механике, физике, химии, геологии, астрономии, домоводстве, охоте, оружии и по огненному бою.

Несть числа всяким вариантам и наукам. Если, к примеру, об охоте, так попутно о поведении и видах разных зверей, ловушках, капканах, воспитании собак, лошадей, ловчих птиц и правильных традициях. И все это может быть в одном или нескольких томах, украшенных рисунками, или один текст, в красивых обложках или обычной коже.

Третья – книги для индивидуального чтения (религиозные, в том числе нравоучительные, благочестивые) и светские (беллетристические и исторические). При этом и бумага была разных сортов и качества, что повышало стоимость произведения иногда очень значительно.

Объединяло их одно – все они издавались с разрешения Патриархии на ее печатном дворе и стоили немало. Фактически немногие могли себе позволить иметь личный экземпляр даже духовных. Ничего удивительного, что даже Вышатич, считавшийся по праву у них первым богачом, раскошелился не на новый томик, а подержанный. Такой стоит заметно дешевле и тоже пользуется немалым спросом.

Дома у них имелось больше двух десятков самых разных, не считая церковных трудов: про механизмы, арифметика с геометрией, исторические труды, сочинения по экономике, географии и даже греческие мифы. Практически все он выучил местами наизусть, многократно перечитывая.

– Конечно, – разрешил хозяин. – Для того и звал.

Данила осторожно открыл и просмотрел список глав. Математика, топография, черчение и межевые законы. Геометрию с тригонометрией и рисованием чертежей освоил самостоятельно по отцовской книге. Самая ценная вещь в доме, после древней книги Второго Исхода и Библии. Даже материнские бумажные сокровища, часть которых относилась к временам до Беловодья, по которым он учился, много давшие для состояния ума, не столь интересны. В отцовой имелись даже эти новые цифры, вместо привычных буквенных обозначений. Гораздо удобнее и легче вычисления производить.

– Ну и как?

– Так быстро не разобрать в подробностях, – ответил честно, – но, похоже, ничего неизвестного мне не присутствует. Справился бы. Вот межевые законы не мешает переписать. «Русской правде» давно не соответствует, и такие вещи иногда полезны.

С недавних пор в Беловодье официально пользовались четвероугольным поприщем, под которым подразумевалась квадратная площадь со стороной в 1000-саженную версту. Гораздо удобнее прежних четвертей, однако такое не все знают. Кое-кто до сих пор считает в «пругах», то есть мерах, с которых платили налог. А они в разных княжествах из-за почвы и дополнительных выпасов могли оказаться очень разными.

– Уверен, что справишься?

– Конечно. Только зачем это здесь? – спросил прямо, поднимая голову.

До сих пор вполне хватало в записях приблизительно такого: «...От холма с закругленной вершиной на юго-западе до реки, а оттуда по течению до границы участка Петра по прозвищу Бородавка...» Земли много, просто поднимать целину и вырубку дело тяжелое. Многие предпочитали перебираться на новый участок с истощением почвы. При выжигании несколько лет урожай высок, затем быстро падает.

– Я вам навскидку назову парочку книг гораздо полезнее в наших условиях. А это... Не помню, чтобы кто-то из-за участков всерьез ссорился. Лес большой, у реки лугов полно.

– В корень зришь, – одобрительно сказал тысяцкий. – Да не все слышал. Зимой в Тмутаракани княжеский съезд был. Постановили «каждый пусть держит землю свою через старшего в роду».

– И что? Не в первый раз с провозглашения отмены лествичного права наследования. Хотели прекратить бесконечное дробление отчин. Этому и в школе батюшка учил. Дату вот не упомяну, но после великой замятни и объединения межуральской Долины с Поморьем Константином. Потом все равно с его смертью дети передрались и развалили Великое княжество. Ссориться и воевать, считая себя равными, князьям нисколько не мешает и целование креста.

– Теперь на съезде присутствовал и Патриарх словенский.

– И что?

– Никогда не задумывался, кто правит на самом деле в Беловодье? Почему до сих пор сохранялось понятие большой отчины?

– Потому что она принадлежит всему правящему княжескому роду, происходящему от единого прародителя.

– Нет. Так говорят, но нет. Потому что все земли, включая занятые такими, как мы, выселенцами, относятся к ведению Церкви. Они тоже власть, в чем-то параллельная княжеской, в чем-то соединявшаяся с ней и дополнявшая. И я говорю не о духовной, а административно-судебной. Наш отец Федор какие дела вправе разбирать?

– Разводы, двоеженство, о нецерковных формах брака, – подумал и уверенно закончил Данила, – изнасилование, нарушение церковной собственности, в том числе и земельной.

– О! – внушительно сказал Вышатич, поднимая палец. – Собственность! Многие дарят церкви имущество перед смертью и для отпущения грехов. Иные и землю отписывают.

Данила ждал, не нарушая молчания. Переспрашивать в очередной раз: «И что?» – на прекрасно знакомое не тянуло. К чему-то тысяцкий определенно ведет.

– Сегодня треть западных земель принадлежит Патриархии, и в отличие от князей, у Церкви единое руководство. Она одна обладает исключительным правом судить игуменов, монахов, попов, дьяконов и другие категории церковных людей. К ее ведению отнесена служба мер и весов, участвует в законотворчестве. Но, что важнее, играет первую роль в межкняжеских отношениях и спорах. Она очень изменилась. Когда-то признавала своим главой великого киевского князя, после Исхода Тмутараканского. Те имели право

вмешиваться в церковные дела и обладали правом участия в поставлении епископов. Теперь все иначе. Великий князь после замятни отсутствует. Передача столов по прежнему порядку отменена.

– Отец говорил, после войн с поморянами для словен нет внешних угроз, зато земли сколь угодно. Потому и центральная власть ослабла.

– Княжеская! А церковная растет. Конечно, существовали случаи непослушаний, а иногда и гонений на священнослужителей. Но это в последний раз было добрых сто лет назад. Сейчас без сотрудничества с высшими иерархами князья не могут обойтись. Иной раз большие монастыри вроде святых Иллариона, Гермогена, Филарета или Мануила могут выставить оружных людей не меньше, чем Китеж, и уж точно больше Смоленска с Новгородом и Тверью. И спорить с монахами стало откровенно опасно. Вот на съезде они и продавили решение о полном межевании. Теперь каждый, считающий себя владельцем земли, обязан по постановлению съезда согласовать границы участков, определить координаты межевых знаков на местности, а не просто где камень стоял, и, определив площадь участка по полученным знакам, сохранить документ с подсчетами, именами владельцев и размерами выплачиваемых податей.

– И почему никто не замечает? – скептически спросил Данила.

– Это здесь, далеко от населенных мест, не видно. Нам есть позволение на участок семье две тыщи десятин или три, без разницы. Сколько поднял – твое. Все равно больше пятнадцати-двадцати десятин силами одной семьи не вспашешь. Правда... наверное, и там простые люди не замечают изменений. Они же не вдруг случились... Зато, бывая время от времени, невольно видишь разницы с прежним.

Он замолчал и, подумав, сам себя погладил по бороде знакомым жестом. Отец предупреждал: когда так делает, нечто недоговаривает, и надо быть особенно внимательным.

– Ладно, давай вернемся к нашим делам, – тряхнув головой, произнес тысяцкий. – Пока строились, некому было о нас беспокоиться и сажать новое начальство, благо и взять особо с нас и сеземцев нечего. Дороже обойдется держать здесь за княжеский счет тиунов, чем налоги. А вздумай драть серьезно ясак – так дикари сбегут куда подальше. Но мы худо-бедно обжились. Теперь иной расклад. Найдутся и на нашу шею князьки из захудалых, ныне их расплодилось до ужаса. Куча дармоедов, и все с огромным самомнением.

– Что будет с городской землей? – после краткого раздумья спросил Данила. Идея заполучить гонористого чужака на место хорошо знакомого, пусть и не ангела с крыльями, но выборного и достаточно справедливого Вышатича крайне не понравилась. Наложит лапу на все ценное и без правильных границ участков станет стравливать при любом раскладе. Тысяцкий не зря задержался.

– Ее, как и общинную тоже, надо замерить. Желательно по божескому сговору, не требуя особой платы.

– Ага, – тут сложно не согласиться. На общее благо придется отработать. Но тогда и семейное имущество обмерять за ним.

– Затем составляются межевые книги в двух экземплярах. Один хранится в архиве Патриархии, второй – у местного главы власти. Без предоставления выписки запрещена купля-продажа, обмен, дарение и наследство.

И за это Вышатич, подумал Данила, а попутно поселок нечто получит. По закону. Далеко смотрит.

– На все межевание отводится три года. И уже не пройдет запись: начиная от основания

оврага рядом с домом отсчитать триста двадцать шагов к северу и сто двадцать до ели, отмеченной в сказке...

Последовала многозначительная пауза. Это понятно. Расплывчато и рискованно при возникновении споров. Эта ель или другая, размер шагов.

– А теперь подумай, откуда столько межевщиков взять сразу? Да еще и чтоб умел эти цифры правильно записать и высчитать? Представляешь, сколь кривды произойдет и кто первый останется обиженным?

– Простые люди, у которых не хватит серебряков на расчет с межевщиком.

– Молодец. Только на самом деле златников. Сегодня корпорация землемеров требует полста золотых за год обучения. А скоро и выше задерут. А потом с нуждающихся в их умениях давить станут и втрое возьмут от прежних цен.

– Я возьмусь, – осознав, какое предложение ему сделано и задохнувшись от радужной перспективы, помедлив для солидности, сказал Данила. – Но при двух условиях.

– Да?

– Нужны образцы требуемых документов, включая саму межевую книгу, чтобы не придрались. Как писать, где расчет прикладывать и кто точно заверять работу станет.

– Не препятствие. Прежняя запись с разрешением на поселение еще со Смоленска имеется...

Предусмотрительный у нас тысяцкий, с уважением подумал Данила. Все в заглашнике лежит. Правда, с поселком он, похоже, в свое время крепко просчитался. Место не сильно удачное. До сих пор три сотни живет, да по хуторам еще столько же. На звание не тянет, разве сотника достоин, но это уже давно чисто должность, а не воинский ранг. Лишний раз подчеркнуть, что не назначен и не посадник. Много больше прав имеет по закону.

– ...Новую достанем.

– И я не стану переделывать участки за чужой счет даже в твою, Иван Вышатич, пользу.

– А и не надо, – сразу ответил тот. – Лучше официально прирезать к прежнему дополнительно пустошь с лесами. С людьми я поговорю.

– Тогда и подать вырастет.

– Она по-любому изменится. Раньше платили общую сумму и распределяли советом. Теперь каждый за себя станет отвечать.

А вот это действительно неприятно. Бедным или кому удача не пришла по независящим причинам община помогала до сих пор. Теперь все изменится.

– Уйдут.

– Куда? В другом месте лучше? Там целину поднимать придется. А через пять лет, как обустроишься, заявятся мытари и налог стребуют. Как у нас в свое время. Станут иные ломаться, – после паузы пренебрежительно сказал тысяцкий, махнув рукой. – Им лишь бы прокормиться да выпить. Река рядом, охота не возбраняется, глядишь, и от земли откажутся.

Кажется, его планы простираются много дальше моих представлений, и я пока мальчишка, чтобы с матерым купцом всерьез тягаться, с уважением подумал парень.

– Насчет оплаты...

– С чего это обижу? Вот и книгу дам навечно. В подарок.

Забавно, а ведь не сомневается, что смогу. Приятно, черт возьми!

– Нет, правильно обговорить цену моей работы, – заявил Данила вслух.

– Так люди все разные, – проникновенно сказал Вышатич, – у иных и нету ничего. Как заранее решать?

– А по размеру участка. Чем больше, тем дороже.

– А как считать, если чересполосица?

Начиналась торговля, и ему, конечно, не сравниться со съевшим стаю собак с пудом солью на подобных сделках, однако сразу соглашаться на первое предложение – себя не уважать. Пусть понемногу, но если с каждой семьи в округе получить оплату в том или ином виде, немалое подспорье для своих выйдет. Из ямы они точно выползут, и чем больше сейчас сумеет выбить, тем больший запас на будущее получит. Денег, скорее всего, с местных особо не поиметь. Лишнего серебра ни у кого не водится. Но можно брать услугами и получить много должников.

Глава 3. Обычные проблемы

Это все-таки была не настоящая тайга. Среди хвойных пород отдельными деревьями или целыми небольшими массивами встречались широколиственные деревья – дуб, липа, клен. Значит, далеко на север не заплыли. Деревья стояли достаточно привольно, не тесня друг друга. В прогалинах росли серебристые березы и клены, выделяясь на фоне могучих лиственниц и сосен. Идти по звериной тропе вдоль ручья достаточно удобно. Местные животные хорошо знают округу и прокладывают путь достаточно удобный. Не приходится лезть через кусты и бурелом, прыгая по камням с риском сломать ногу. Даже простой ушиб мог дорого обойтись одиночке.

Потом Данила наткнулся на гарь. Издалека было понятно – это не работа человека. Люди сначала подсекают стволы, дают высохнуть – и лишь после пускают пал. В старые времена многие этим занимались, ведь сгоревшие деревья оставляют после себя не просто пустое место, а затем во много раз вырастает урожайность ржи с пшеницей, посеянных в таком месте. Проходит несколько лет – и сбор зерна начинает заметно падать, подсказывая хозяину про необходимость искать новый участок.

Собственно, мужики заранее находят подходящую землю в ближайших окрестностях и перебираются туда. Опять рубка леса и прочее, и так без конца. Лес огромен, но если ты хочешь продать урожай, надо держаться определенных торговых путей. В первую очередь рек. А земли возле Дона или Днепра достаточно плодородны, чтобы ломаться еще дополнительно в лесу. Пока людей не особо много и нет необходимости вновь и вновь поднимать целину. Но когда они появятся, а это, судя по всему, рано или поздно случится, уже земля принадлежит особо шустрым. Его семье в том числе. Во всяком случае, так думал его отец. Как оказалось, поторопился.

Огромное, на много верст пространство выгоревшей чащи все тянулось и тянулось. Почерневшие стволы, лишенные ветвей и листьев, торчали жалко и безобразно. Лишь изредка пробивались молодые ростки. Похоже, пожар бушевал совсем недавно и достаточно долго. До сих пор можно почувствовать запах древесного угля. Неизвестно, можно ли верить, пару раз в книге про охоту попадались достаточно странные вещи, но автор сообщал, что гари полезны для леса. Если очень долго не случалось локального пожара, желуди, опавшие на землю, перестали прорастать. Среди дубов вырастали другие деревья, мешающие. Через поколение дубовый лес превращается в свое жалкое подобие, а еще несколько позже практически погибает. Если вспомнить, что свиньи частенько пасутся в лесу практически без присмотра, это удар по хозяйству.

Проверить на практике идею не довелось. Тем более что устраивать пожар возле их поселка для проверки никто не позволит. Тут дело достаточно тонкое, требующее большой осторожности и опыта. Иначе запросто доиграешься до тяжелых последствий. И поротой задницей не отделаешься. Короче, самое умное – дожидаться естественного пала и посмотреть в сравнении. Тут прямо к его услугам молния поработала. Только ведь не останешься дожидаться результата. Не настолько он сдвинутый, чтобы сидеть несколько лет, – выяснить результат быстро не удастся.

Из-под ног взлетала мелкая пыль, оставшаяся после огня, иногда нить паутины неприятно задевала лицо или полуголое тело, но то уже мелочи жизни. Говорят, когда много паутины в лесу, лето предстоит долгое и жаркое. Пока что до него надо дожить, а с его

возможностями особыми успехами похвастаться нельзя. Лук в детстве мастерят практически все. Он удобен для охоты, обходится значительно дешевле фузеи и пороха. Правда, и охотятся с ним в основном на всякую мелочь вроде голубей или сурков с кроликами.

До самой темноты Данила строгал ветку кедра, пока та не стала плоской с сердцевины и круглой снаружи. На стрелы расколол парочку веток ясеня, обжег их с одной стороны и вставил перья с противоположной. Осталось натянуть тетиву. К сожалению, шнурок не отличался правильными качествами и особой упругостью. Стрелы упорно летели куда угодно, только не в нужном направлении. На глаза неоднократно попадалась самая разнообразная живность, однажды рядом, будто зная, что он все равно стрелять не станет – без нормального наконечника зверя не свалить, – остановились олени и с любопытством выслушали ругань в свой адрес. Спокойно развернулись и удалились при попытке подойти ближе.

Два десятка выстрелов закончились почти случайным попаданием в белку, да еще небольшого ужа прибил палкой. Хоть и небольшое, но подспорье. Мясо есть мясо, и на вкус змея вроде курятины. Приходилось пробовать. Правда, то было не с голодухи, а для интереса, в компании с другими ребятами. Лет десять, что ли, им тогда стукнуло.

Любой приличный охотник покрутил бы пальцем у виска и откровенно ухмыльнулся при виде его успехов. А что делать, если на тетиву идет сухожилие, а взять его требуется у того же оленя, которого не свалить из имеющегося лука. Бесконечный замкнутый круг получается. Тем более без наконечника даже шкуры не пробить. А подставлять башку под дубину звери не собираются – не настолько дурные.

Отмахал он за эту пару дней достаточно далеко. Правильно будет заняться улучшением положения, решил, обнаружив буковую рощу на выходе из уничтоженной пожаром полосы. Она будто остановилась перед старыми деревьями, и огонь не посмел пойти дальше. Самое суеверно принялся бы плевать, подарил обитателям священной рощи самое ценное и стремительно удрал. Почему-то среди дикарей ходили стойкие басни насчет живущих в подобных местах духов, заманивающих людей нежным пением в норы и превращающих их там в ящериц, зайцев и других обитателей леса.

Данила был словенин и мрачные сказки Хионии воспринимал со здоровым недоверием. О причинах рассказней он догадывался. Дождевая вода почти не задерживается на ветвях и гладких стволах бука, уходя в землю, а свет, наоборот, почти не проникает вниз. Под пологом деревьев царит темнота, сравнимая с поздним вечером в самый солнечный день. Мрачное местечко. Подлеска в настоящем понимании в старом буковом лесу почти нет, даже мха. Каждую осень нарождающуюся моховую дернину покрывает новый слой листопада. Зато под деревьями плодороднейшая почва, откуда бьют вкуснейшие родники.

Самое подходящее место для его целей – возле речки на границе рощи. Заготавливать дрова для костра лучше загодя, попутно посмотреть берег на предмет подходящих кремней под запланированные цели. Вечером сплести новые лапти и сделать кружку с котелком и ложку. Если варить мясо, пожалуй, неплохо заодно и бульончику похлевать. Соль отсутствует, но где-то по дороге могут попасться солончаки.

Бересты Данила достаточно надрал по дороге. Элементарно складывается в нечто вроде коробочки. От размера и глубины зависит кружка, котелок или тарелка. Конечно напоказ, от скуки зимой или для продажи можно сшить выступающие края красивым швом с помощью ниток, расписать снаружи растительными узорами или геометрическим орнаментом. В его положении хвастаться умением не перед кем и незачем. Вставил пару прутьев вместо

ручки, связал края от самопроизвольного раскладывания тоненькой ивовой лозой – и поднялся, собираясь зачерпнуть воды. Первое испытание прочности.

На последнем шаге замер с поднятой ногой. Он не мог ошибиться! Под корягой была чужая тень. Рыба! И, кажется, немаленькая. С гулко стучащим сердцем вернулся назад, подобрал свою палку с обожженным концом, тихонько прокрался на прежнее место и, прикинув, где должно находиться туловище, чтобы не ошибиться из-за слоя воды, изо всех сил ударил, сверзившись при этом в воду, но не выпуская кола и ощущая бьющуюся на нем рыбу.

– Попал! – закричал счастливо на всю округу.

Это оказался налим. Широкая сплюснутая, как у лягушки, голова, огромная усаженная мелкими зубами пасть, черные злые глаза, свисающие вниз усы. Пятнистое тело обильно покрыто клейкой слизью. В теплые солнечные дни он любит сидеть в тени, предпочитая холодную воду. А вот ночная темень – самая налимя пора. Тут он сам выходит на охоту, не брезгуя мелкой рыбешкой, мальками своей же породы, а при случае и живностью вроде мышки. Случается, налимы вырастают в добрую сажень и пару пудов весом.

Данный экземпляр тянул хорошо на полпуда, но оно и к лучшему. Старого и мощного Данила мог бы и не удержать. И так еле достал. Налим боролся до последнего и рвался не хуже пойманного в ловушку зверя. Почти разорвал себе заднюю часть. Попади в плавник – наверняка бы ушел, но повезло. Теперь уже не столь важно. В темнеющих сумерках Данила сидел у только что построенного шалаша, коптил рыбу над пламенем и время от времени, обжигая пальцы, наслаждался нежной сладковатой мякотью.

Набив живот, сидел бездумно у потрескивающего костра, подбрасывая в него хворост, и слушал шелест ручья и деревьев. Ветерок был совсем слабым, и даже после захода солнца еще не холодно. Ночью даже запахи совсем другие: сильно пахнет землей, влажным мхом. Но на еловых ветках внутри шалаша при горящем у входа огне бояться нечего. Ни сам не замерзнет, ни зверь не посмеет потревожить.

* * *

Нарвался, понял Данила, когда из-за угла вынесло священника.

– Ты опять не присутствовал на недельной утрени, – с заметной укоризной в голосе сказал тот, когда парень послушно приблизился, повинувшись знаку.

– Никак не мог вернуться раньше, на выселках межевал у Трофима, – поспешно перекрестившись при упоминании, сознался Данила.

– Это никак тебя не оправдывает! – загремел отец Федор.

То есть он попытался загреметь. Голос у него совсем на бас не походил, вопреки внушительной внешности, тонкий и подобающий скорее отроку, чем взрослому человеку. В детстве очень смешило несоответствие. Теперь Данила достаточно вырос, чтобы соображать, насколько бесят попа усмешки и намеки на его неподходящий солидному священнику тембр речи. Может быть, отыгрываясь за все неудачи, начиная от назначения в здешний медвежий угол и заканчивая смехом детей, не исключено от характера, но отец Федор был неумолимо строг. Бдительно следил за нравственностью прихожан и заботился об их грядущем спасении.

А это означало постоянное вмешательство в жизнь людскую и общественную. Он

требовал не засиживаться на гулянках слишком долго, отпрапляться домой из кабака с появлением на небе звезд, грозил суровой карой рыбакам, выходящим в море в воскресный день, и запрещал всякие развлечения, не освященные обычаем. Для Данилы в детстве тяжелее всего были посещения школы. Казалось бы, благое дело и их преподобие старается на общую и его конкретно пользу. На деле вылилось в натуральную пытку.

Ученики сидели все вместе в одной просторной комнате: старшему из них было двадцать пять лет, младшей – семь. Вместо разделения хотя бы по знаниям, если не по возрастам, бездумно заучивали бесконечно повторяемые священные тексты. Чтение по складам, написание своего имени и закон божий со множеством дополнительных текстов вроде евангелий и житий святых – вот и все образование.

По воскресеньям детей в обязательном порядке отпрапляли в храм, где они выслушивали службу от начала и до конца, а отец Федор тщательно следил за посещаемостью, непременно закладывая родителям, если те по каким-то причинам не могли проконтролировать своего чада. К сожалению, в данном вопросе мать с ним была согласна, и увильнуть в детстве и отрочестве стоило серьезного наказания. Потому приходилось быть паинькой и вызубривать бесконечное количество: «И кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего... И кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои... Просите, и дастся вам...» – попутно размышляя о божьем гневе и неотвратимости наказания.

Он давно убедился, что с последним (неминуемой карой) дело обстояло не вполне так, как вещал преподобный отец. Если правильно все обставить, хорошо обдумав, возмездия можно избежать без особых сложностей. Или даже прямо и нагло совершить нечто непотребное, украв чужое сено или порезвившись на соседском охотничьем участке, обобрав капканы, и в глаза соврать, то требовать к ответу бессмысленно. Нужно иметь доказательства, ибо без них суд не состоится. Недолго, напротив, в клеветники угодить и стать посмешищем.

Суд на небесах? А кто знает, есть он или нет? Оттуда не возвращаются. Сеземцы совсем в иное верят, и как проверить, кто прав? Сам того не замечая, Данила и к религии подошел с привычной точкой зрения механика. Любую вещь можно потрогать и выяснить, каким образом та работает. Каждую теорию требуется доказать. Все на свете закономерно, упорядочено и делится на классы и группы, имеющие общие признаки. Это видно в математике, геологии, ботанике и даже музыке. Порядок есть всегда, пусть с первого взгляда и незаметен.

Даже зло и смерть всего сущего не зря. И для них в общем построении есть место. Ведь без тьмы нет и света, без гибели – развития и роста, без свободы воли человек просто марионетка, а значит, способен совершать и недобрые дела себе на пользу. Но божество стоит в системе отдельно, создав ее. Так где же оно находилось раньше, и кто создал его?

Эту тему он попытался обсудить с родным отцом и усвоил главное: не стоит излагать подобные мысли окружающим. Православная церковь могла применить крайне неприятные меры, как это случилось в позапрошлом столетии с еретиками. Во время смуты не только князя сводили счеты, и неизвестно, кто на самом деле исправлял веру, почти шепотом поведал отец, дав задним числом повод заподозрить его в крамольных мыслях и знакомстве с еретиками и их учениями. Эти победили, и не стоит будить уснувшего зверя. В результате все нужные молитвы Данила знал назубок, в церковь ходил, но без особого энтузиазма. По необходимости и чтобы не получить нагоняя, излишне выделяясь. Отец Федор это давно раскусил, но прямо придраться обычно было не к чему.

– Намедни опять подрался! – перешел священник к следующему пункту воспитания.

– Так сами варфоломеевцы полезли, – возмутился парень несправедливым выговором, не пуская руку пощупать синяк под глазом. Такого удовольствия он попу не доставит.

Поселок образовался из выселенцев почти случайно. Шли три партии и сговорились вместе искать подходящее пристанище. В отцовской группе присутствовали сам отец – оружейный мастер, – а также кузнец с помощниками, настоящий целитель, три родственника, имеющие длительный опыт жизни в лесу, парочка профессиональных охотников – ведь изначально планировали организовать торговлю пушниной. Все были достаточно состоятельными людьми, которые могли позволить себе покупку наилучшего оборудования и запасов на первый год.

Вышатич происходил из сплоченного клана, числом за три десятка взрослых мужчин, и тоже заранее подготовился к трудностям. Среди его отряда не нашлось ни одного не умеющего работать топором и не знакомого с лесом и рекой. Зато варфоломеевская ватага набиралась из самой городской нищеты. Добрая половина сегодня ходила у тысяцкого в закупах, несмотря на огромные первоначальные возможности. Не умели они работать ни в поле, ни на воде, ни в чаще. И смертность среди таких была самой высокой. Зато их больше всего изначально оказалось, отчего шума и проблем создали достаточно много.

Строились на новом месте, естественно, возле знакомых. Это не означает, что на одной улице жили негодяи, а на второй исключительно положительные мужики. Всякое случалось, но старые дразги не забылись и передались новому поколению. Концы регулярно дрались, как организованно стенка на стенку, так и при случае. Обычно до первой крови, но случалось всякое. Ничего нового и оригинального не произошло, и странно, что священник вдруг взбелся.

– На разумного сильнее воздействует выговор, нежели на глупого сто ударов.

То-то мне все норовил на учебе задницу полировать розгой, кивая с благостным видом внимательно выслушивающего, подумал Данила. По опыту он знал: любое возражение, даже абсолютно справедливое, лишь распалит и удлинит нотацию. А заодно сделает более тяжким наказание.

– Что посеешь, то и пожнешь.

Кажется, он собирается объясняться сплошь цитатами. Первая фраза была из книги притч Соломоновых. А это послание к галатам апостола Петра. Нет, ошибся, Павла. Интересно, что послание есть, а кто такие эти самые галаты – никто толком не в курсе. Спрашивал. За что получил очередную порцию розог взамен вразумительного ответа.

– Не зря ведь злобствовали, сам гнев вызвал!

Не помню такой цитаты.

– Ведь доброе имя лучше любого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота. Почему не прислушаешься к словам нуждающихся?

Много ты нам помог, подумал Данила со злобой, позабыв про игру с поиском отрывков из Библии. Не видел от тебя участия в последний год. А ведь мать всегда среди первых прихожанок была.

– Ведь сказано у Матфея: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Похоже, кто-то пожаловался, что много прошу за межевание, дошло с задержкой. Совсем совести люди не имеют. Лишнего ни с кого не требовал, не ростовщик какой людскую кровь цедить. По-человечески с каждым обсуждал. И варфоломеевские тут точно ни при чем.

Совсем по иным причинам схлестнулись. Матюха всех подряд достает, пусть и старше. Как тот олень в брачную пору, не может пройти мимо другого парня, обязательно силу показать. Бычок недоделанный. Рано или поздно нарвется, и рога пообломают.

– Мать твоя, хвала Господу, – оба дружно перекрестились, – за ум взялась.

А вот это правда. Вдруг и сразу перестала пить и занялась хозяйством. Где сама, а в основном осуществляя семейное руководство. В большинстве случаев с ее подсказки цену называл. Она каждого в поселке помнила и его имущественное положение. Еще и потому уверен, что чрезмерно не просил.

– Молитвы искрение помогли, обращенные к богу!

Два раза, машинально крестясь при упоминании Господа, Данила мысленно ухмыльнулся. То, что он Его не просил, еще ерунда. То, что сам отец Федор по данному поводу особо не утруждался, – тем более. На самом деле Данила был уверен в своем вмешательстве. Он тогда мать пожалел и захотел, чтобы она стала прежней. И что-то сделал. Хуже всего – и сам не уразумел, что именно. И поведать о том кому-либо откровенно боялся. За такие штуки недолго и по морде схлопотать, если не в дальний монастырь навечно, в камеру. А уж стрельнут в спину – запросто. Колдун рядом опасен. В людных местах такого не терпят. Сегодня из самых лучших побуждений нечто хорошее сотворил – завтра кого-то сжить со свету возмечтает. И, наверное, сможет. Кому охота проверять, на что способен такой подозрительный тип? Лучше помалкивать и не пытаться повторить столь удачного достижения, как бы ни просили и как бы ни хотелось. Неизвестно, как выйдет в следующий раз с чужим человеком.

– Вот она женщина набожная и всегда войдет в положение. Поможет.

Данила тупо молчал, изображая непонимание. Не дождется вопроса. Пусть прямо сам скажет, за кого ходатайствует.

– Отец Федор, – закричала, выныривая из-за угла, тетка Агриппина. – Там такое, такое...

– Чего? – недовольно спросил тот.

– Савва, – отдышавшись, ответила с радостно блестящими глазами, – пропал.

– Какой еще...

– Сын Семена. Домна прибежала вся в слезах, грит, эти из леса виноваты, неча их было на работы нанимать. Сманили отрока язычники поганые. Тепереча мужики собираются, будут их жечь. Уже и фузеи достали. Готовятся. Всех побьют!

Все это она выдала одной скороговоркой, не давая слова вставить.

– Ну пойдём, – без особого счастья в голосе сказал священник, – посмотрим.

Приструнить давно не мешает, но чтобы дите крали?

– Грят, для обрядов кровавых, злодейских, – с горящими глазами сообщила Агриппина. – Сатане посвященных. Может, уже убили, чертяки немытые.

– Это да, – кивнул отец Федор уверенно. – Могут. А с тобой потом договорим, – это уже Даниле.

Тот поспешно поклонился. Идти к церкви и после отправляться с дурной компанией уничтожать стойбище сеземцев он не собирался. Во-первых, дикари были полезны, нанимаясь на работы летом и весной. Получали плату в основном мукой, табаком и вещами, которых сами сделать не могли. Стекланные бусы ценились не меньше шерстяных одеял, но выше всего шли фузеи и порох. Официально существовал запрет на продажу для лесных племен, но всегда находились желающие загнать лесовикам, когда наиболее ценные шкурки укладывались на всю высоту пищали. Прибыль в сотни процентов! А вот монеты до сих пор

оставались для тамошних жителей малопонятными.

Во-вторых, Вышатич до смертоубийства не допустит. Здешние племена охотились и расставляли капканы для него, продавая шкурки в магазин тысяцкого. Вряд ли он захочет остаться без столь солидного источника дохода. Сейчас прискачет, примется вразумлять особо буйных, и в поход выйдут не скоро. Если вообще отправятся.

А самое главное – он того Савву не особо помнил, мелюзга, не стоящая внимания, но в данный момент совершенно точно мог показать направление, где тот находился живой и здоровый. И это прямо в противоположную сторону от сеземцев, на маленьком островке у песчаной косы. Перейти туда легко. Ему по горло, но и ребенку плыть близко. Откуда это знал? Да ниоткуда! Просто во время выступления тетки Агриппины подумал: «Где искать?» – и тут же пришло знание. Сообщать о том вслух заопасался. Тут ведь не брякнешь – видел, мол, куда малец шел. Все прекрасно в курсе, что в поселке Данила отсутствовал с самого утра и вернулся прямо к литургии. Даже не переоделся, напоровшись на мать уже на улице и привлеченный для сопровождения. Якобы ей мечтается с сыном на молитву, а не одной. Будто второго, чисто вымытого и приодетого, рядом не видно. Правильно – не открывать рот. Зачем создавать себе лишние проблемы? А вот сходить как раз не проблема.

Через четверть часа он обнаружил Савву примерно в том месте, где и ожидал. Компас, указующий путь, исчез практически сразу, но общее направление Данила засек сразу. А островок не настолько большой, чтобы долго искать. Тем более что и деревьев на нем раз-два и обчелся, а больше ничего и нет. Обнаружить сладко спящего отрока не представляло никакой сложности. Рядом удочка и пара приличных размеров сазанов. Не особо сдерживаясь, пнул ногой и взял за шкурку, чтобы не удрал, вскочившего спросонья подростка, сделав грозную физиономию.

– Ты пошто, паскудник, из дома сбежал?

– А чаго она как собаку на чепь сажает?

– Она – это мать, Домна?

– Ну.

– Не называй давшую тебе жизнь «она», – отвечивая подзатыльник, потребовал. – Понял?

– Да, – вытирая грязным рукавом нос, согласился Савва.

– И за что наказала?

– Потому что сказал, что все равно лучшим охотником стану. Не буду в земле ковыряться, как они! – с вызовом заявил мальчишка.

– А сеземцы при чем?

– Так кто научит, если не лесные люди? – удивился Савва. – Ты видел, как они по чаще ходят? А следы читают? Нашим до них далеко. Я ей так и сказал: уйду к ним жить, ежели зимой в лес не пустят.

– А что язычники, то нормально?

– А то ты сам к ним не таскаешься!

– И все ты знаешь, паршивец малолетний, а того, что за твою глупость могут всех дикарей побить, ведать не желаешь.

– Это почему? – поразился Савва.

– А ты у матери спроси, с чего она решила, что тебя зажарят и съедят непременно.

– Не могла она такого сказать, – неуверенно заявил подросток.

– Я уж не в курсе, кто родил столь злосердную мысль, но прямо щас бушует у церкви

народ горячий. Быстро собирайся – и пойдём. Покажешь свою морду, чтобы знали: целый и невредимый, а они дурни. А то ведь кровь пустят, и виноват в случившемся ты станешь. Потом грех кровопролития до самой смерти на тебе будет, легко не отмолить.

Глава 4. Новый знакомый

Ночью все же холодно, несмотря на весну. В его одежде, а точнее – отсутствии оной, – мало приятного. Но с этим он умел бороться. Костер пылает у самого входа в шалаш. Жар огня проникает в шалаш и греет спину. Под утро, когда окончательно прогорают угли, невольно поднимаешься, понукаемый холодом. Быстрая пробежка до воды, поплескал в лицо, умываясь, и поскакал к очагу в предвкушении раннего завтрака.

Как пожрешь, вроде не так холодно становится, и энергии заметно добавляется. Сегодня у него аж три блюда – остатки вчерашней рыбы, белка да ужик. Что-то надо оставить на потом. Никто не обещал подкармливать регулярно. Кстати, сглупил: надо было супчик сварить из налима. Кроме кружки сделать еще и котелок из бересты. Надо только уголки сшить лозой выше края, сделав борта чуть наружу. И, естественно, не ставить прямо на огонь. Греть лучше всего на раскаленных углях костра. Вчера пожадничал и не захотел возиться дополнительно. Ничего, разжигая с помощью трута новый костер, решил, все впереди.

Что у нас сегодня в планах? Лапти сплести на смену прохудившимся, корзинку для добычи и нового имущества, поиск подходящих камней для наконечников. Можно соорудить острогу и встать на перекате или поискать можжевельник. Почему-то считается, что крючок из него привлекает налимов. До сих пор имелись металлические, пора проверить на практике. А то стрельба из лука доставляет одни расстройства. Лучше потренироваться спокойно – может, удастся понять закономерности и хотя бы не мазать за три шага. Не подстрелить, так хотя бы ранить и добить птицу уже на земле.

В какой момент он почувствовал неладное, и сам бы ответить не сумел. Что-то изменилось вокруг, и Данила невольно прислушался, а затем обернулся. Прямо за спиной в двух шагах сидел огромный черный ягуар и с интересом смотрел, как он, невольно отпрянув, шлепнулся на задницу, выронив последний кусок рыбы, и торопливо зашарил по земле в поисках палки. Данила отчетливо понимал, что ничем она ему не поможет, только разозлит животное гораздо больше, но сидеть и спокойно дожидаться, пока его примутся кушать, было бы в высшей степени странно. Впрочем, ничего такого он не думал и действовал, совершенно не взвешивая и не соображая.

– Штаны сухие? – спросил неожиданно чужой голос с насмешкой.

– А? – очень умно ответил парень, озираясь в недоумении.

– Вечно мне попадаются убогие, – сообщил прячущийся тип. – Или все людишки тупые от рождения? Эй, человек, ты бы лучше обделался, я брезгливый и воняющего употреблять не стану.

Данила оторопело уставился на ягуара. Теперь с заметной задержкой он сообразил: голос раздается прямо в голове, и беседовать с ним изволит тот самый зверь, причем не открывая рта. Судя по построению фразы, самец, и кажется, он открыто издевается.

– Ты разговариваешь? – осторожно сел нормально – кто этого знает, вдруг резкие движения спровоцируют на нападение. Только сейчас он обнаружил зажатый намертво в руке нож.

– Ага, все же не идиот, – сложно объяснить, но Данила теперь был уверен, что в интонации присутствует ирония, – диагностируется легкая стадия дебильности. Недоразвитие речи, замедленность восприятия. Ну...

– Чего «ну»? – не поняв, переспросил парень.

– С чем прислала Кредариадвос?

– Никто меня никуда не отправлял, – напрягшись и готовый к нападению, ответил честно Данила. Все равно он понятия не имел об этой самой Кредари как там дальше. Спросит чего – и обман наружу.

– Я не мог так ошибиться, – прозвучало после паузы. Зверь шумно втянул воздух, принюхиваясь, и одновременно в мозгу у человека будто легкая щекотка ощущалась. – Ну да, клейменный. И ничего о том не знаешь? Странно. Ага! Вот оно что. Это или до рождения, или сразу после.

– Что – «это»? – озадаченно спросил Данила.

– Ну, раз такое дело, – игнорируя вопрос, сказал зверь, – хоть развлекусь маленько. Давно мимо никто почти разумный незнакомый не проходил, скучно. Давай рассказывай, кто таков и куда топаешь.

– А ты кто такой? – прямо потребовал парень.

– Называй меня Кот Баюн, – сказал зверь, и даже по его морде можно было увидеть ухмылку, если бы насмешка опять не прозвучала отчетливо.

– Загадки загадывать станешь? – с сомнением спросил Данила.

– Выполнять пожелания после правильной разгадки – это к другим. Мне больше нравится вариант, по которому своим волшебным голосом заговариваю путников и съедаю.

– А ты съедаешь?

– Ну говорю же, брезгливый. Напрудись в штаны – не стану.

– Уже не выйдет.

– Тогда забавлять начинай. Байки всякие, танцы с песнями. Кувыркаться и жонглировать умеешь?

Он точно издевается, понял Данила.

– Я такое слово в первый раз слышу. И вообще – это же ты должен сказками тешить, пока не заснут.

– Не наглей, мальчик, – сказано было с ощутимой угрозой. – Это моя роща и моя земля, будь вежлив, а то доиграешься.

И поскольку легендарных железных рукавиц для ловли Баюна под рукой не имеется, лучше его не раздражать, понял парень. А то хоть беседует, но зверь, и немалых размеров. А если сказки хотя бы наполовину отражают действительные события, очень опасен. Но почему не попробовать по канону?

– Может, отведаешь моего угощения? – протягивая в сторону Кота тушку, предложил Данила. – Думаю, белка будет на один зубок, но ничего более весомого не имею.

– Вот это уже лучше, – согласился Кот, поднимаясь и подходя ближе. Он был жутко громадным и скорее походил на маленького тигра, чем на большого ягуара. Хвост короткий, нетипичный для нормальных кошек. Точно больше десятка пудов веса. И самое жуткое – человеческие глаза на морде животного. Сел у почти потухшего костра, фактически показав, что не боится огня и горящей палкой не отмахаться. – Вежливое обращение любому приятно. Не слишком люблю убоину, предпочитаю свежее мясо, жареного вообще предлагать не стоит. Отвратительная порча вкуса, и людей оправдывает исключительно слабый желудок. В целом правильный ход. Одна поправка: разделивший трапезу не навечно становится неприкосновенным. Пока не попрощался. Да и верить разным двуногим дико. Говорят, папашу великого Чингисхана отравили прямо у гостеприимного костра. Хотя, скорее всего,

врут. Кто с собой возит яд? Проще уж пырнуть ножом в спину.

– Ты знаешь про Потрясателя Вселенной?! – поразился Данила.

– Мне многое рассказывают, – зверь странно хмыкнул вслух. Похоже, это смех. – Кого только не заносит иногда в чащу. Давай, – прижав лапой белку и разорвав ее одним движением зубов пополам, приказным тоном скомандовал, проглотив. – Излагай свою историю, отрок.

Повествование вышло не слишком длинным, даже при прерывающих его время от времени ягуаровых уточнениях.

– Ну, что данная река вовсе не Дон, ты и сам догадался, – благодушно сказал Баюн, когда Данила, иссякнув, замолчал. – Хитрые ребята. Начни они путешествовать против течения – ты бы забеспокоился. Отсюда якобы впереди пороги и необходимость перегрузки. Интересно, что люди на волоке с тобой не разговаривали. Они же не временные и не кормщика ребята – целый поселок имеется для помощи желающим совершить перескок.

Он жевал, но голосу в голове это совсем не мешало.

– Ушкуй достаточно легок, чтобы без груза перетащить с малым числом людей, тем более что путь накатан. А порог на реке имеется, и об этом все прекрасно знают. Потому и попался на обманку. Хорошо хоть задним числом дошло.

– Не верю, что всех купил!

– Чем-то он держит местных. Знаю то место. Там излучина – и буквально за холмом другая река. По нему и шли дальше на северо-восток. Изрядно будет до потребного тебе Нового Смоленска. Если верить карте, Салгир течет в прямо противоположном направлении.

Интересно, где он видел географические карты? Не в берлоге же! Или нет... Вроде они на одном участке не торчат и бродят постоянно. Только это дикие животные и далеко на юге. Кто вообще слышал про ягуаров на севере? Или он иной породы?

– А шахты – глупость. Нет в округе ничего такого. Можно поискать... тебе это не надо. Да и людей там нет. Разве что племена лесные, в мамонтовой степи живущие. Им раб без надобности.

– Тогда зачем?

– Есть у меня подозрение, что кто-то из твоих ушкуйников нашел пещеру Имуги.

– Кого?

– Ну Вендико, если так понятнее.

– Это такой ужасный дух из легенд дикарей, обожающий пожирать людей и наслаждающийся их мучениями?

– Человеки такие фантазеры, – почти извиняющимся тоном сказал Баюн, – есть даже древний ритуал призвания. Положить на алтарь и вырезать сердце, а потом кровью помазать губы идола.

– Меня в жертву?

– Ну не друзей же приятелей. Думаешь, чего в поход так мало народу, и товара почти нет, только для видимости?

– Значит, ловить обязательно станут? – Даниле захотелось срочно вскочить и драпать, забыв про крючки и корзинку, да и про достаточно обходительного собеседника. С того станет сидеть и наблюдать за его поимкой. Ему же скучно, а тут неплохое развлечение.

– Вряд ли. Вблизи чужих нет, я бы почуял. Скорее недобитого отвезут в пещеру. Все равно помирать придется – так с пользой.

– Своего товарища? – ужаснулся Данила.

– Когда клад зарывают, тоже соратников не щадят, – совершенно равнодушно ответил Баюн. – Про заклятые на головы сокровища доводилось допрежь слышать?

Кто же не в курсе. Чтобы взять спрятанные ценности, надо столько же положить, сколько хозяин зарезал, закапывая.

– Так вот ерунда все это, – отрезал много знающий зверь. – Или найдешь, или нет. А мертвецы – излишество. Просто никто еще на моей памяти легко не разошелся при виде груды ценностей. Крышу сносит.

– А?

– Ум мутится, – пояснил он, – от жадности. Каждый себе все сразу захватить надеется. Вот трупы и образуются в массовом порядке.

– Так, может, и алтарь чушь?

– Разбудить его кровью действительно можно. Только я бы не советовал.

– Почему, он же вроде тебя? Исполняет желания?

– Так считается, – без особой охоты согласился ягуар.

– А на самом деле?

– Мальчик, ты меня удивляешь. Что обычно мечтают получить люди, сразу и быстро, ну? – он подстегнул тоном.

– Богатства, женщин, власть, – ответил без раздумий Данила.

– Молодец. Правильно. А теперь подумай тем, что у тебя имеется под черепом, могу ли я тебе это дать?

– Откуда мне знать, на что ты действительно способен, раз разговариваешь и, значит, умный? В сказках на железном столбе сидишь и волшебством владеешь, аж на другой край мира сбегать запросто до ночи.

– Дороги надо знать!

То есть запросто, если не врет, отметил. Сказка ложь, да в ней намек, так? Чего же там еще такого присутствовало полезного? Нюхом клады чует и любит прохожих заморочить и обокрасть в качестве развлечения. Неужели натурально где-то в роще сокровища немалые лежат? Да ну, даже думать не стоит. Не в том положении, чтобы мечтать справиться с огромным зверюгой. Да и нечестно было бы отплатить коварством, ведь ничего неприятного не сделал Баюн, напротив. Пока, по крайней мере.

– Но уж про богатства земли здешней наверняка в курсе, – сказал Данила. – Укажешь, коль пожелаешь. Может, и баб где зачарованных держишь целую толпу.

Ягуар запыхтел, смеясь.

– С властью, конечно, сложнее, обмозговать требуется, однако полагаю, найдутся варианты. Нанять войско за счет подаренного клада, как-то сделать, чтобы за любимого княжеского сына принимали, или подсказать, как от прежнего избавиться тихо. Наверняка способов еще целая куча. Да! – озвучил только что пришедшую мысль. – Бессмертие.

– Никто обладающий телом не вечен.

А это занятное уточнение. Разум без тела? Он все-таки не отрицает богов, но как они будут воздействовать на мир, будучи бесплотными?

– И ничто. Даже камень превращается в пыль, а горы исчезают со временем, стираясь. Потому такие желания не имеют решения. Проще идиота сразу убить, чтобы не морочил голову несбыточным.

– Продлить жизнь на сотни лет.

– И мучаться от множества болезней, мечтая об избавлении от боли...

– Тогда оставаться молодым до смерти, отрачивая утерянные части тела.

– Уже лучше. Столетиями оставаться двадцатилетним. Но вот мозг новый не вырастишь в черепе. Он прежний, и постепенно теряешь способность учиться. То есть возможно, но много тяжелее. Люди после сорока редко принимают перемены, иногда прямо отвергая из боязни или отрицательно относясь к любым изменениям вокруг. Приспособиться к новым законам, правилам или поведению труднее всего пожилым. И дело здесь явно не в дряхлости. Это в голове сидит.

– Все дело в воспитании. Если тебе с детства объясняли про княжеский долг – станешь думать так, а проживая с младенчества в монастыре – совсем иначе. Значит, есть шанс воспитать вечного ребенка. Любознательного и вечно играющего. Он и в пожилом возрасте сможет учиться.

– Хорошая теория. Я, правда, не знаю, как ее воплотить, но ты оригинален. Вряд ли правда кто попросит превратить его в отрока навсегда. Как вариант забавно. Такого мне еще не говорили. Кредариадвос проделала хорошую работу, – жмурясь от удовольствия, сказал Баюн. – Все же не вполне дурень.

– А можно узнать, о чем речь? – насторожившись, спросил Данила.

– Дети у твоих родителей помирили во младенчестве, было?

– Да.

– А ты не только здоровый, а еще и умница, нарадоваться не могли, так?

– Да... – Про Богдана он не знает, значит, вовсе не всемогущ и всезнающ. Это очень важно.

– Вот вернешься домой – спроси, кого просила и чем платила.

То есть назвавшая младшего сына «богом данный» и не пропускающая ни одной службы в церкви Ефросинья Никитична не так уж безгрешна? Духов леса просила о помощи? Стоило уехать из дома, чтобы выяснить такие занятные подробности.

– Спасибо.

– За что? – удивился Кот.

– За подсказку.

– Признательность – это хорошо. Никогда не забывай кланяться. Чем ниже шея, тем сложнее на ней усидеть.

– Забавная шутка. Никогда раньше не слышал.

– Имуги шутит гораздо неприятнее, так что цени.

– А можно...

– Все можно, но не все нужно. Это его дело, а не наше. Чужая компетенция, если тебе говорит нечто это слово.

– Да, я знаю, что оно означает.

– Тогда в награду еще один намек. Про царя Мидаса вспомни.

– Тот получил просимое, но чуть не умер от голода и жажды.

– Браво. Сильно образованный мужик попался. Ну не дуйся, не княжым или боярским сыном называть. У Имуги помер бы – тот вторично обратившихся убивает сразу, они и рта раскрыть не успевают. Да и за один раз всего одного привечает. Остальных всех кончает. И если нет, то мучаться они станут очень долго. Так что вряд ли еще встретишь своих знакомцев. Хотя, – оживляясь, сказал Баюн, – если подумать, то Мидас – всего лишь притча. Кормить царя могли и слуги. Ну да, мораль же нужна отчетливая, а то не дойдет смысл.

В этот момент он стал жутко похож на отца. Понятно, не внешне, а вот этим желанием

найти в хорошо знакомом некий скрытый смысл. Может, поэтому и сын у него не мог воспринимать серьезно попа Федора, привыкнув искать второй смысл в речах и ловить на противоречиях.

– Ты меня отпустишь? – спросил Данила, помолчав. – Или выкуп нужен?

– Даже провожу: все равно с тебя взять нечего. Но сначала поведай, что в мире происходит.

– Я не очень много знаю.

– Ты не представляешь, сколько интересного иногда удается выжать из самого дремучего прохожего молодца. А ты не прост, да и учился чему-то.

Гораздо любопытнее, откуда ягуар из леса может знать про древние греческие легенды. Их в церковных школах не излагают. И сам знаком потому, что у матери с детства книжка имелась. Лучше не спрашивать.

– Давай с самого начала, – потребовал Баюн, – как дошел до жизни такой, чтоб на ладью залезть и из дома уйти.

* * *

Илия выскочил из кузни как по заказу и понесся через двор не хуже жеребца. В нем всегда было много силы и энергии, физически не мог долго стоять на месте или заниматься чем-то, требующим терпения. Увидев Данилу, споткнулся на ходу и свернул навстречу.

– Что-то случилось? – спросил встревоженно.

Прекрасно знает, в этот час молодой хозяин, если не занят чем важным, обычно сидит у себя в мастерской. Другого бы подобное обращение взбесило – не холопые дело задавать вопросы своему владельцу. Впрочем, Илия знал: по шее не получит. Сверстники, росли они вместе и долго были товарищами. Почти настоящими. Потому что хотя различие не подчеркивались специально, каждый знает, где проходит граница. Раб – это одно, свободный – иное. И хотя хозяева Илие попались на редкость удачные, много не требовавшие и без веской причины не наказывающие, он сызмальства привык к такому порядку вещей и даже в играх не пытался верховодить.

– Все нормально. Тит там? – Данила кивнул на кузницу.

– Где же ему еще быть.

– Ну ступай.

И холоп стремительно унесся, забыв о былой тревоге. Раз сказано все хорошо, выходит, так и есть. Илия не любил нервничать и задумываться. Точнее, не умел. Жить так, безусловно, много проще и легче. Дали команду – поскакал за скотиной убирать или еще чего тащить и катить. А нет приказа – будет смотреть на букашек, ползающих в траве, пока не надоест. И он не ленивый. Когда важно – умеет работать не хуже других. Характер такой.

– Разговор есть, – сказал Данила, дождавшись у порога, пока кузнец закончит работу, и вежливо поздоровавшись.

– Ну раз такое дело, завтра продолжим, иди, Селивестр, – приказал Тит подмастерью, – сам приберу.

Тот молча кивнул и с достоинством удалился, не забыв поприветствовать гостя и поинтересоваться насчет здоровья. Он тоже был их холоп, но, в отличие от Илии, цену себе знал и вел себя заметным достоинством. Мастер из него вышел хороший, и он старательно

откладывая любую мелочь, полученную за труд от хозяев и заказчиков, намереваясь непременно выкупиться и завести собственную кузницу. На весь поселок с хуторами имелся один профессионал – Тит, и работы хватило бы для обоих с лихвой.

– О матери говорить хочешь? – стоя спиной и раскладывая инструменты по местам, глухо спросил кузнец.

Ему крепко не повезло в жизни. Жена скончалась в родах, оставив четырех дочек. Наследника и помощника все хотела подарить, да, видимо, не так рассудили на небесах. Он всем нужен, и хватило имущества на приданое трем девкам – хватит и четвертой, но не зря никого из свободных брать к себе не хотел и Богдана открыто привечает, а тот вечно пропадает в кузнице.

– Так третий год пошел, траур совсем закончился, – поворачиваясь, сказал кузнец.

Смотрелся он замечательно с женской точки зрения: большого роста, с мощными мускулами, прямолинейный, держащий слово и с практически целым ртом крепких белых зубов, что для такого возраста достаточно удивительно. И достаток в доме.

– Так разве я против? – удивился Данила. – Вот для того и зашел – выяснить, чего клинья к женщине бьешь, а сам все мимо, как кот, ходишь.

Тит уставился на него, пытаясь просверлить дырку при помощи серых глаз.

– Ты так легко о том говоришь...

– А чего? Наше имущество все равно по закону за Ефросиньей Никитичной. Как-то не верится, что обделит родного сына. Да мне кроме мастерской ничего особо и не надо. Э... да разберемся, а мать пусть будет счастлива.

И это было искренне. Он очень боялся, что придет момент, и она вновь затоскует да примется пить. И это даже хорошо, что заинтересовалась ухаживаниями и принялась в последнее время прихорашиваться. Не может человек вечно жить в тоске, да еще не старуха. Другие под сорок уже смотрятся жутко, замученные трудами и болезнями, а она очень даже ничего. И это не потому что сын и не видит реальности. Голубоглазая, румяная и с роскошными золотыми волосами. Настоящая красавица. А тут забот прибавится в новом доме – и не до копания в прошлом станет. Тем более что с девками кузнецовыми она вполне ладит, а младшая не прочь прислониться к ласковой женщине.

– Страшно мне, – трагическим голосом сказал Тит.

– Чего? – изумился Данила.

– А вдруг откажет.

– А ты покрасивее скажи, не давай жить вместе до смерти, потому что никого другого не нашел, а люблю тебя, бесценную, Ефросинья Никитична. За глаза твои блестящие, губы алые, лучшие в мире, да мечтаю на руках всю жизнь носить...

– Я не умею!

– Так скажи от сердца, – возмутился Данила, – как можешь, если запомнить не способен. Только искренне.

– А еще чего?

– Слушай, я что тебе, в сваты нанимался? Оденься по-праздничному – и вперед. А я за тебя выскажусь. Только имей в виду: обидишь мать – я беседовать не стану, голову сразу проломлю.

– Ну-ну, – возвращаясь в нормальное состояние уверенного и взрослого мужика, хмыкнул Тит, – мал еще угрожать и слаб. Я тебя сверну в колобок без особого труда. И не нужно такие вещи произносить, никогда я не сделаю ничего во вред Ефросинье.

В дверь, запыхавшись от бега, влетел Богдан. Из-за спины у него выглянули оба холопа.

– Уходи, брат, – выпалил торопливо. – К нам Олекса приходил с пищалью, тебя ищет. Убью, грит, паскудника. Тебя то бишь. Теперь сюды идет. Я напрямки через дворы, но сей час будет. Злой, собака.

– Доигрался, щеня, – сказал без особого удивления Тит. – Нашел кому рога приставлять. Он же дурной, по пьяни что угодно сделает.

– А что, все знают? – глупо удивился Данила.

– Да тут соседи знают, когда до ветру ходишь, а ты, как муженек уходит, сразу через забор скок.

– Отец Федор уже присматривает, на ком тебя оженить, – радостно поддержал Богдан. – Грит, Полина самая подходящая, баловать тебе не даст.

Даниле всерьез поплохело. Вдова третий год была не сильно старше него и не такая уж страшная. Статная баба и без детей – не успели соорудить с супругом, очень быстро утонул. На этой почве зачастила в церковь и числилась у священника замечательной прихожанкой. Притом жуткая склочница и выжига. Не хуже Вышатича умела с батраков жилы тянуть. И уж точно примется командовать, указывая, как поступать и с кем общаться. А на любые возражения помчится с жалобой к попу, обвиняя в грехах и неподобающих мыслях. Меньше всего ему мечталось о такой жене.

– А ты откуда знаешь?

– То правда, – ответил Богдан уверенно. – Под окном случаем стоял и услышал.

То есть, скорее всего, подслушивал после уроков. Любопытен брат был не хуже старухи, вечно перемывающей соседям косточки от нечего делать.

– Стойте здесь, – приказал Тит. – Сам разберусь. Не высовывайся, – и пошел к распахнутым настежь воротам со двора.

– Данил, – пихая его в бок, сказал Богдан, – а какая она, Мария?

– Ты что, ее не видел никогда? Не задавай дурацких вопросов.

– Не-а, в постели как?

– Мал еще, – угостив подзатыльником, ответил старший брат, напряженно глядя наружу. Он не особо боялся, но Тит прав. Сейчас показаться на глаза – напрашиваться на неприятности. Если и не попадет из пищали, так кинется драться, и придется ответно бить всерьез. Сбежится вся округа на зрелище и точно жениться заставят на первой попавшейся дурочке. Кто во всем виноват? Данила!

У ворот топтался Олекса, что-то с жаром доказывая, и в руках у него натурально пищаль. Старая, дедовская. Не так давно сам чинил замок, но пальнуть вполне способна. Драки Данила не опасался, больше беспокоило, что на женщине потом отыграется. Ответить вполне мог, хоть тот и здоровее. Не в первый раз выясняли молодые парни, кто крепче, и к таким вещами все привычные. Старики говорили, для характера полезно. Дали в морду – утрись и снова в бой. Потому даже и получить, причем вполне за дело в данном случае, не особо обидно. Тем более что с налитых глаз недолго и уронить ревнивца всерьез.

Данила не понял, что сделал Тит, но Олекса сложился пополам и сел на землю.

– Селивестр, Илия! – позвал хозяин.

Через пару минут холопы поволокли куда-то в сторону сарая опутанного по рукам и ногам веревкой ругающегося и одновременно рыдающего гостя. Зрелище не из самых приятных.

– Пусть охолонет, – сказал вернувшийся Тит, прислоняя пищаль к стене. – Заряженная, –

подтвердил, заметив Данилин взгляд. – Плохо то, что он не только дурной, еще и подлый. Другой бы вложил Машке кулаком немного мозгов, ну-ну, не дергайся. На правду не обижаются. Нашла тоже с кем гулять.

– А чем я плох? – с вызовом спросил Данила.

– Да всем прекрасен, вона и за большака разумно рассуждаешь. О семье заботишься, а не о новой шелковой рубаше девок соблазнять.

– Это ты о чем, дядька Тит? – заинтересовался внимательно прислушивающийся Богдан.

– Мал еще, – одновременно сказали оба шарахнувшимся от подзатыльников мальчишке.

– Я не осуждаю юных, даже девок, но клятвопреступников не люблю. Молод еще оказался и соображал не тем местом, – невозмутимо закончил кузнец. – Поманили и пошел. Думалка есть – пользуйся и на этот счет.

– У Олексы точно в башке ничего нет, – радостно сообщил Богдан. – Ну кто же на весь поселок о таких вещах кричит? Себя же в дерьмо первого и макнул. Начистил бы тебе морду втихую – так всем удобнее было бы.

– Так, – сказал грозно Иван Вышатич, появляясь во дворе, – это что же такое творится?

– Его-то кто позвал? – простонал Данила.

– Кто-то не поленился, – буркнул Тит. – Рот закрой и со всем соглашайся. Не то действительно завтра оженят, и не на Полине, а на дурочке первой попавшейся.

Прозвучало созвучно прежним мыслям, будто подслушал.

– Где этот?

– В сарай убрали.

– И правильно. Просохнет – выпусти. А вот с тобой что делать? – потребовал тысяцкий у Данилы.

Тот, помня мудрый совет, промолчал.

– Напаскудил, а ведь я на тебя надежду имел серьезную. Даже думал в помощники взять и...

Похоже, и дочку в жены примеривал, без особого удивления догадался парень. Хороший вариант привязать к себе и в положение младшего поставить. Попутно и бывшие отцовские товарищи перестанут по старой памяти коситься на подгребшего под себя власть.

– Олекса не из тех, кто прощает, – уверенно заявил тысяцкий. – Хуже всего, что запросто может подстеречь где. В лесу, аль на реке. Да и пальнуть. Никому это не надо. Ни смертоубийства, ни свары.

– Так что делать? – спросил Тит.

– Что делать, что делать... А я знаю? И так плохо, и эдак нехорошо.

– Ладья идет! – заорали на улице. – Ладья!

Еще минуту назад стояла полная тишина – и сразу захлопали калитки и окна. Как водится, сейчас будут брошены любые хозяйственные дела и весь народ ринется к пристани. Корабль всегда новости, новые товары и чужие люди. Всем интересно, и хорошая причина отдохнуть и выпить с прибывшими, а может, разжиться у них чем полезным или, напротив, продать свое добро.

– Ну вот вам и ответ, – довольно произнес Вышатич. – Бог услышал мои молитвы. Наверх идет – к родичам матери поплывешь, там и учиться можно. Вниз – в Новом Смоленске дядька твой обретается. В любом случае чтобы завтра духу твоего в поселке не было. Мне здесь кровавые страсти не нужны. И не вздумай бабу с собой звать! Она венчанная жена, и неча портить жизнь всем сразу да супротив церковных законов идти.

Хм... сам с кормщиком договарюсь... А то придумаешь что неладное. Понял меня?

Данила покосился на кузнеца. Тот молча кивнул. Обиднее всего – правота обоих кристально ясна, и мнения он об Олексе такого же. Ну не убивать же самому первым, чтобы убрать угрозу. А иначе не сегодня, так завтра столкнутся на узкой дорожке. С того станется и дом подпалить ночью. А своими рисковать нельзя. Сам виноват – сам и ответит. Тем более что еще недавно и не надеялся мир повидать, а тут само в руки идет без усилий. Большой город увидит! С учеными людьми познакомится. Здесь ни одной новой книги не достать, и по механике вовсе ничего, а ему так много охота выяснить!

– Понял, – сказал вслух. – Уеду. Только сделай одолжение, Иван Вышатич, пойдем со мной домой и объясни все матери.

Глава 5. Подозрительный лектор

– Я всегда подозревал, что умение писать и читать до добра не доводит, – вещал Баюн, не затрудняясь нахождением по соседству.

Он лишь изредка мелькал рядом, однако было подозрение, что при желании ничего бы не увидел. Кот просто не прячется. Сначала такое поведение Данилу слегка нервировало, потом привык. Разговаривать достаточно удобно. Данила полагал, расстояние особой роли не играет. Звук в голове ничуть не менялся, когда странный зверь находился далеко. Другое дело, похоже, его возможности тоже не безграничны. Человеческий голос он улавливал на немалом расстоянии, но, тем не менее, за версту не услышит. Это проверено.

Не один Баюн собирал информацию. Данила тоже откладывал неизвестно зачем на будущее случайно доставшиеся крохи. Например, он выяснил достоверно, что его собеседник мыслей не читает, зато скорее всего ловит эмоции. Страх, гнев, усталость или еще какие яркие чувства чует моментально. И лучше держать себя в узде, особенно в его отношении, а то как бы не вышло боком. Это предположение, но если он в родстве с Имуги, то почти наверняка. Были вещи, на которые Баюн охотно отвечал, а иные старательно игнорировал, как пояснения по природе своей.

Зачем ему такие сведения, Данила и сам не смог бы ответить. Вряд ли кому-нибудь посмеет поведать о подобном знакомстве. Никто не поверит или примут за вранья. А что скажет церковь, и представлять не хочется. Тем более что тащить сюда борцов с нечистью и нелюдью не собирался.

– Когда люди были неграмотны, многие могли наизусть выучивать достаточно большие объемы сведений. Специально обученные и вовсе огромные поэмы передавали, не забывая ни слова. А теперь? Вы обленились, и ты даже не замечаешь, насколько убога нетренированная память. И совсем отвратительно, что даже неглупые вроде тебя верят в правильность записей. Раз написано, так и есть.

– А это не так?

– Безусловно нет! Не просто переписываете историю в угоду властителям, вымарывая неудобное или пятнающее. Некая предвзятость для человека нормальна. Он зависит от корыта, в которое ему кладут жрачку. Бывают и просто ошибки. Кто-то не так понял, или свидетель соврал... Но ведь давно опустили до прямого вранья.

– Есть конкретные примеры? – это действительно занятное сообщение. То есть принять можно без особой оторопи, причины изменений звучат более чем разумно.

– Начнем с самого начала...

– С сотворения мира?

– С прибытия в этот мир твоих предков.

– А с этим что не так? – удивился Данила.

– В книге Второго Исхода сказано, не дословно, потому что там язык неудобоваримый, ты и сам наверняка плохо понимаешь, но по смыслу: «...И когда стало ясно, что номады вернулись вторично и не собираются уходить, а отбиться нет мочи, опустошена Волжская Булгария, половецкие кочевья и расправились с жителями Таврии, святой Илитор показал путь, уводящий от гибели жителям Китежа и многих других соседних мест...»

– Ну да, ударил посохом о скалу, и явилось сияние... Чего? – спросил на перханье и кашель возникшего на пути Баюна. Уже точно знал: это смех.

– Какой посох и скала?! – с употреблением совсем неподобающих животному выражений, с упоминанием странных привычек и лошадиного уда, воскликнул ягуар. – Сказки для простаков. Обычный переходный камень. Кольца под землей чаще всего не видно. Там слой нарос в несколько ваших сажен. Самый кончик ключа заметен на манер плавающего в море айсберга. Внизу в десять раз больше размер. И удивительно, но наверняка до сих пор действует! Надо только правильно использовать выбитые иероглифы. Не руками лапать! А посредством ментального усилия, и харкнуть опосля для опознания.

– Ничего не понял, – озадаченно сознался Данила, – помимо плевка.

– Если когда-нибудь попадешь в Китеж, ваш, естественно, а не прежний, сходи в Великий Храм и полюбопытствуй про скалу, где древний алтарь, – поднимаясь и шагая рядом, сказал Баюн. – Хотя вряд ли тебя пустят. В ту часть собора доступ имеют одни высшие иерархи церкви. Ну князь, может быть, но и тех пускают с разбором. Короче, Порог это в другие миры. А ключ в башке у человека. Не всякого, естественно.

– Святого?

– Ты Житие Гермогена читал?

– Ну он раскаялся за прежние отвратительные деяния, – после коротко раздумья ответил Данила, не представляя, чего Баюн от него хочет.

– Это да, накрошил людишек без счета, не токмо чужих, еще своих, а потом принял постриг. Благостным стал, аки ангел, – в голосе в голове определенно присутствовал сарказм. – И нет бы в столпники податься и дать себя закусать комарам с прочим гнусом – отправился полюбопытствовать на мир прежний. И приволок оттуда кучу народу.

– Он их спасал!

– А последствия своего доброго дела хорошо обдумал? Сколько крови потом было!

– Да при чем заматня? Через два поколения началось.

– Он принес огнестрельное оружие и множество разных неприятных знаний для власти. Не только науку, но и смущение для умов. Костров для еретиков не помнишь? А войну с севером? Хотя ты молод для такого, вечно забываю.

А он, выходит, сотни лет живет? Сказка точно не вчера родилась, но так буквально...

– Не мог он такого знать заранее. Святой не означает пророк.

– А должен был задуматься о последствиях посещений и новых людях. Выбирать правильный материал. В конце концов, был еще в промежутке святой Лука. Тот и вовсе мор принес. Правду говорят, благими намерениями дорога в ад вымощена. Потому и запретили ваши священнослужители подобные забавы навечно.

– Что? – поразился парень.

– После той смуты и вынесли решение на общем собрании Собора, – как об обыденной вещи, хотя кто же его посвящать в такие дела станет, заявил ягуар. – Не просто закрыть дверь навсегда с этой стороны, еще и избавляться от обнаруженных экземпляров с определенными способностями. Радикально.

– Это как?

– Ножом по горлу. Или пулю в спину. Не разговаривая – сразу. Есть у вашей патриархии такие специалисты. Тебя тоже касается.

– А я при чем?

– Сам знаешь. Не показывай людям лишнее – целее будешь. Боятся – и правильно делают. Сила – это власть. Научившийся пользоваться быстро поднимается. А дальше все зависит от характера и обстановки. Другой успеет много дров наломать, прежде чем

остановят.

– Так про многих сказать можно.

– Два случая – совпадение. Три – закономерность. Это я про ваших святых, если не дошло. Многое они сделали плохое и хорошее, чего больше – рассудить не мне. А был еще лжепатриарх Якун, да и про великого князя Константина разные занятные вещи шепотком рассказывали. Ага, – сказал совсем другим тоном, останавливаясь поперек пути и очень по-человечески показывая лапой. – Копай здесь.

– Зачем?

– Вон листик треугольный видишь?

– Да.

– Он мне не нужен. А вот корень растения полезен. Копай.

Мысленно пожав плечами, Данила поставил плетеный короб со своими немногими вещами и добычей, принесенной Баюном. Два зайца, куропатка и гадюка, неплохой улов. Тот не просто шарился по округе, но постоянно давил всякую мелкую живность, вплоть до мышей, с удовольствием закусывая. Очень прилично лазил по деревьям, несмотря на большую массу, и прыгал не хуже оленя в длину на добычу. Понятно, по расстоянию и скорости, а не в испуге. В целом мало походил на пользующегося волшебством персонажа сказок. Жрал, гадил и с удовольствием принимал почесывания. Если бы не любовь к болтовне и странные познания, вполне сошел бы за дрессированного зверя. Только неизвестно еще, кто кем распоряжается. Точнее, известно, ковыряя твердую землю, без особой обиды подумал. Идет он все равно куда хотел, а такой спутник совсем не лишний. Ужин уже обеспечил без малейшей просьбы.

– Для чего все-таки это?

– Стимуляция жизнедеятельности клеток и кровообращения, кроме того – сердечнососудистое средство. Обладает бактерицидными и антивирусными свойствами, а также...

– Можно нормальным словенским языком?

– Царский корень это.

Ну так, конечно, гораздо яснее, принимаясь вновь рыхлить с опаской, признал. Про данную редкость разве глухой не слышал. Раны заживляет, даже очень старые шрамы рассасываются, и молодость возвращает. Не в прямом смысле, но старик на бабу лезет, и даже дети рождаются. Только стоит корень на вес золота, иногда и больше. В руках мало кто держал, разве на картинках видел.

– Копай осторожней, не повреди!

Говорят, даже поцарапанный долго не хранится, тем более поломанный. Теряет полезные свойства, и лучше на месте сожрать, чтобы не пропало. Хотя могут оказаться очередные байки. Вытяжку надо уметь делать, в это поверить проще.

Минут через десять он извлек нечто отдаленно напоминающее большую розовую морковь с несколькими зубчиками внизу.

– Гривны две будет по весу, – очистив от земли, сказал Данила уверенно. – Не монетные, весовые.

Это требовалось уточнять обязательно. Прежняя была в десять раз больше нынешней по весу и при измерениях так и осталась. А при чеканке монет давно иная.

– Разве корни такими большими бывают?

– На западе – нет. Давно все леса проредили и повыдергивали. Этому, пожалуй, лет

двести будет. Чего держишь – давай.

И царский корень исчез с протянутой человеческой ладони, только осталось ощущение шершавого языка Баюна, слизнувшего находку. Было обидно видеть исчезновение не меньше четырех сотен серебряных гривен в пасти зверя навсегда.

– Жалко? – спросил Баюн, облизнувшись.

– Жалко, – с вызовом ответил Данила.

– Без меня ты бы мимо прошел, так что нечего изображать несчастного. Но знаешь, – уши ягуара шевельнулись, явно к чему-то неслышному человеку прислушивался, – обеспечу тебя сухожилием для лука. В компенсацию, если знаешь такое слово.

Заинтересованный парень пропустил очередную подколку мимо ушей, не попытавшись доказывать свои знания. Кот действительно частенько произносил много удивительных слов, коих Данила никогда не слышал раньше. И не выдумывал, а обозначал нечто реальное. Иные даже имели знакомые греческие корни или нечто похожее. Просто таких названий даже отец с Титом и священник Федор не употребляли.

– Возьмешь дубину и встанешь вон у тех кустов, – ягуар вторично не по-звериному показал лапой и, не дожидаясь исполнения указаний, через секунду бесшумно растворился в чаще.

Данила недоумевавшая встал в указанном месте. В том, что Баюн выгонит на него какого-то зверя, он не сомневался. Что тот окажется достаточно большим, иначе не зашла бы речь про сухожилия для лука, тоже. Но почему не копье, а именно дубину?

Ветер дул в лицо, и зверь его почуять не мог, но из-за густого кустарника он и сам не видел, только услышал приближающийся шум ломающегося прямо к нему животного. Единственная мысль была – не оплошать, потому что если с первого удара не свалишь, мчащийся на него унесется быстрее ветра. Потому дубину сжимал со всей силы, готовый к атаке без промедления.

Выскочившего из кустов медведя он огрел со всей дури по голове, не раздумывая, и только после дошло, что происходит. Топтыгин взревел, отчего волосы встали дыбом, и Данила принялся с ответным диким криком охаживать его своей дубиной без остановки. На очередном ударе она сломалась с треском, и он застыл, тупо глядя на лежащую тушу. Это оказался вовсе не серый медведь, как показалось с перепугу, и уж тем более не плоскомордый гигант. Обычный черный, да еще и не очень большой. Похоже, совсем молодой – подросток.

Теперь он гораздо отчетливее понимал, почему у лесных племен убить в одиночку косолапого считалось за подвиг, сравнимый с победой над кровником. Клыки, используемые в качестве нашейного украшения, всем показывали доблесть бойца. Правда, речь не шла о черном. Этот считался недостойной героя добычей. Хвастаться здесь нечем и брать на память не стоит. Смеяться не станут, однако мнение о себе легко испортить.

– Ну как? – выныривая из кустов, потребовал Баюн. – Сойдет?

– Почему не предупредил? – чувствуя, как дрожат ноги, прохрипел Данила.

На самом деле он и так знал ответ. Развлекался зверь за его счет. А может, заодно на прочность проверял. Испугайся и побеги – непременно бы медведь напал. А когти здоровущие. Покалечить мог легко.

– Так же интереснее, – ничуть не смущаясь, заявил Кот. – Поэзия схватки, торжество победителя, адреналин, – опять незнакомое слово, – хлещет из ушей.

– Ты скотина чертова! – устало высказался парень.

Переспрашивать не хотелось. Этот самый адреналин запросто мог у него вылиться и из задницы. И совершенно не хотелось поддерживать этот довольный и радостный тон. Задним числом испуг пробил обильным потом, и ноги подгибаются. Но показать этому?!

– А ты обиделся, что ли? – удивился Баюн. – А че так? Вы же тоже хищники, и должно такое нравиться.

– Уйди, – сказал Данила с ожесточением.

* * *

Животное было небольшим и тощим – еще не успел Потап Михайлович по-настоящему набрать жирок. То есть кое-какие запасы имелись, и, разделывая его, Данила не на шутку перемазался. Все же настоящего промыслового опыта не имел, возле поселка медведи попадались достаточно редко, давно повыбились. Но он не остановился, пока полностью не закончил. Даже мясо и целебный жир не так интересовали, как идущие у позвоночника сухожилия. Из туши он добыл достаточной длины, чтобы сделать нормальный лук и получить запасную тетиву. Но сначала требовалось правильно просушить, чтобы не порвались при натяжении, для чего растянул на палке и оставил у костра, отправившись отмываться и стирать грязные вещи уже при свете звезд. Солнце упало неожиданно быстро, а вернее – не заметил за трудами, как стемнело.

Вернувшись, обнаружил Баюна, как ни в чем не бывало лежащего у огня.

– Угощайся, – предложил Данила, делая широкий жест: злость уже прошла. Он чувствовал себя сильным, и настроение заметно поднялось. Какой ни есть, а настоящий первый Топтыгин, и не издавек из фузеи или с компанией, сам завалил. Причем способом, в который никто не поверит, невзирая на чистую правду.

– Объясняю проще, – будто и не прерывался, сообщил Кот, подтянув к себе завернутое в шкуру мясо, сноровисто раскрыл сверток, не повредив, и придирчиво принялся выбирать кусок, – вы здесь отнюдь не первые пришельцы. – Даже когда он ел, запинки в голосе не наблюдалось. Уж точно не из горла звук шел. – Все люди – чужаки, пришедшие через подобные ворота из иных миров.

Занятно сказано. Специально намекает на свое иное происхождение или проговорился?

– И сеземцы? – лениво спросил Данила, прислушиваясь к далеким воплям рыси. Никак спариваться вздумала. Вроде сезон истек. Может, потому что северней привычного и холода позже отступили?

– А они чем не люди? Общие дети бывают – значит, все нормально, одного корня. Просто попали они сюда намного раньше.

– Это когда?

– Уверенно не скажу, где-то сорок тысяч лет назад первая волна.

Данила повернулся, с подозрением глядя на разговорчивого ягуара.

– Точно никто не в курсе. Столько не живут, и зарубок на скалах оставлять не додумались. Расселились они на весь континент.

– На что?

Баюн тяжело вздохнул, всем видом поражаясь тупости собеседника.

– Есть земля вообще. А есть отдельные куски. Вроде вашей Европы, Азии и чего там еще было в том мире?

– Африка, – с сомнением добавил Данила. Виденная им карта прежних земель до Исхода выглядела в высшей мере странно, и составители не имели понятия о размере, рисуя белые пятна ближе к границам знакомых мест.

– Во-во. Каждая часть в отдельности – континент. Так считай, мы на обособленном огромном куске суши живем, вроде вашей Африки. Только расположение иное. Два огромных треугольника, соединенных гористой перемычкой почти посередине. В плане напоминает песочные часы. Про чертеж тебе объяснять надо?

– Даже про масштаб не требуется.

– Прекрасно. Идем дальше. Мы живем в зоне умеренного климата...

О господи, опять его несет в заумствования.

– ...в Северном полушарии. Размеры нашего куска таковы, что его север почти достигает полюса, а юг расположен в зоне тропиков. Преобладающие ветровые потоки несут влагу с запада на восток. Благодаря отсутствию на севере вдоль побережья гор, низкой высоте ваших так называемых Уральских и восточных...

Оказывается, не зря ходили такие разговоры. Кто-то умудрился добраться на тот край земли!

– ...Их ничто не задерживает на огромном расстоянии, и дожди дают достаточно влаги, чтобы вся территория от западного побережья до восточного заросла лесами. Иначе посередине была бы огромная степь или даже пустыня, как на юге у перешейка. Возможно, дополнительный эффект оказывают оставшиеся после отступления ледника озера на севере и Великое почти море на юге.

– Почти – это как?

– Оно огромное, но все же озеро.

– Как Черное море?

– Откуда мне знать размер моря в другом мире? – очень логично удивился ягуар. – Ты и сам не сможешь площадь озвучить. Большой и очень глубокий водоем. Туда впадают несколько рек, начинающихся на Урале, и выходит одна большая. Почему об этом до сих пор не в курсе ваш народ, не меня надо спрашивать. Полагаю, давно есть поселения, и плавают, но не хотят делиться властью тамошние князья безродные.

– А может, пороги помешали добраться.

– Поведение у вас, словен, достаточно стереотипное. Селитесь на речных поймах, низовых террасах, излучинах с легкими пахотными почвами, заливными лугами, пастбищами, речными зарослями, изобилующими дичью, рыбными тонями, и на высоких коренных берегах, покрытых непроходимыми лесами. Казалось бы, иди по рекам до самого восточного океана, а вы все жметесь к западным горам.

– Просто мало народу.

– Мало? – изумился Баюн. – Да миллиона три-четыре, пожалуй, наберется. На всем остальном северном континенте хорошо если остается пятая часть. Тут другое. Стекающие с Урала реки не являются протяженными и не связаны между собой до впадения в Озеро. Они локализуют экономическое существование и поощряют формирование разных политических идентичностей, разделяя регион.

– Можно на нормальном языке?

– Появляются отдельные государства, – после паузы объяснил Кот, – с течением времени все более отдаляющиеся даже в языке. Церковь стремится не допускать такого и сдерживает переселенцев, даже за счет ослабления княжеской власти.

– Это уже доступнее.

Уходят все больше изгои, еретики и воры, спасающиеся от розыска, перевел Данила для себя. Крайне редко сознательно отправляют партии выселенцев. Иначе, удрав на другой конец мира, очень быстро перестанут интересоваться прежними порядками и правилами. Появятся будущие враги и не подчиняющиеся Патриархии. Все помнят прежние распри и самовольные княжества долин.

– Мало ему людишек! – возмутился Баюн. – Считай, каждое поколение удваивались. В тысячу раз увеличились за три-четыре века. За семьсот с лишком лет страшно представить, сколько бы вас было. Так бы и расширялись, пока не будет превышен предел плотности населения, достижимый при имеющихся технологиях.

Господи, дай мне силы и терпения выслушивать эту заумь.

– Если бы не мор Луки да войны между собой, давно бы размножились на манер муравьев и все вокруг вырубил.

– А поморянская война не в счет?

– Тоже повлияла, но ведь сами виноваты.

– Это как? На нас напали – и виноваты?

– Когда вы только появились, племена аборигенов приняли пришельцев достаточно дружелюбно. А что тяжело было первые годы, так Беловодье рай исключительно для живущих перед нашествием врагов. В принципе при переселении обычное дело – до трети народу помирает. Особенно в дальние края перебравшиеся. Другие условия жизни, непривычные почва, растения, животные, болезни. Все лучше, чем лечь под клинками полностью всем народом.

Данила молча кивнул. Что-то в этом роде и в их поселке имело место. При всей подготовке без смертей не обошлось.

– Поморяне были смесью первой и второй, пару тысяч лет назад, волны пришельцев. Тех гостей было не особо много, быстро растворились в местных, но они принесли новые умения, включая сельскохозяйственные, и заняли достаточно почетную нишу мастеров и шаманов. Потому и отнеслись к новичкам приветливо, помогая во многом. А вы принялись учить своей религии и занимать все новые участки, нередко без спроса. Тогда и началась первая поморянская война. К сожалению, племена не сумели полностью разгромить врага.

– Ты считаешь это несчастьем? – напрягся Данила.

В этом отношении он историю достаточно знал. Сеземцы не умели по-настоящему воевать и не имели железного оружия. Многие надеялись влиться в новое общество и крестились, раскалывая союз. Упорных отбросили с немалой кровью, а затем принялись уничтожать. Многие местные попали в рабство. Хиония повторила их судьбу, правда, гораздо позже и в иной войне. И далеко не у каждого жизнь сложилась столь же удачно. На юге ярмо на похолопленных достаточно тяжелое.

– Конечно, – подтвердил Баюн. – Прежняя жизнь во многом закончилась, и вы не желаете считаться с чужим образом жизни. Может быть, ваш лучше и правильней, но не все готовы ему следовать. И была вторая поморянская, вторжения в долину и кровь, кровь, кровь.

– Ну хорошо, – подкидывая полено в костер, сказал Данила. – Мы тебе не полюбились, и могу понять почему. Вряд ли церкви ты придешься по душе. Запишут в демоны и устроят охоту.

– Грубо, но будем считать, близко.

– Что такое тогда Чистилище? Шли не прямо через твой вход, а сначала через мертвое

пустое пространство, где вечно маются души язычников.

– Кто-то их видел? Души, – уточнил Баюн.

– Нет, – в некоторой растерянности признал критик.

– Но все знают, потому что так сказал приведший сюда?

– Ну да.

– Я мог бы дать несколько объяснений, и самое простое – при быстром подъеме из глубины или в горы не хватает воздуха и можно умереть. Исход мог оказаться аналогом подобных действий. Потому требуется остановка и адаптация.

– Чего?

– Привыкание к новым условиям. Чем выше, тем холоднее, но горцы привычны и не страдают.

– Понял. Допустим, так, – подумав, согласился парень. – А кто поставил эти самые переходные Врата? Человеку не под силу создать такое!

– Боюсь, тебе это не понравится.

– Почему?

– Потому что не имеет отношения к сидящему на облаке образу из вашей священной книги.

– То есть, хочешь сказать, некие другие боги? – не особо удивился Данила.

– Я не знаю, можно ли их назвать богами, – сказал после неожиданно долгой паузы Баюн. – Не могу ответить, создали ли они людей, животных и растения, но точно знаю – распространяли по другим безжизненным мирам. Без них и здесь, и в вашем мире, и еще в нескольких был бы один голый камень. А Врата – их дороги, по которым шло распространение с первоначальной планеты.

– И где она – никто не знает, – скептически сказал парень.

– Совершенно верно. Может, даже то самое Чистилище. Гадай до бесконечности, ответа не появится. Они могли уйти, а могут до сих пор жить среди нас. Или их потомки. Но кто они и зачем это делали, никто не знает, включая самых древних существ.

– Таких, как ты, или тот... Вендико?

– Я давно живу, но не столько, чтобы застать начало.

Занятно, но так и не сказал сколько. Вот когда говорил о поморянских войнах, впечатление – сам присутствовал. Первая за шестьсот лет будет.

– Это происходило, наверное, миллионы лет назад, сотни тысяч уж точно.

Попытался представить – и стало страшно от бесконечной череды тысячелетий.

– И откуда тогда известно?

– Можешь считать это еще одной древней легендой, – неожиданно легко согласился Баюн. – Прекрасно объясняющей, каким образом попадают люди на другие планеты... миры, и там вдруг оказываются вполне знакомые и достаточно комфортные условия, включая привычные растения и животных. Ничуть не хуже сказки о сотворении мира за шесть дней некой всемогущей личностью с непознаваемыми побуждениями и неисповедимыми путями. Оба варианта недоказуемы и имеют право на существование.

Глава 6. Конец ожидания

Зимой гораздо проще искать следы. Еще неплохо проверять их на мягкой почве у водопоя или переправы. Там выгоднее сидеть в засаде, дожидаясь посещения животных. Обычно в таких местах сходятся сотни зверей, включая многочисленных хищников. Разобраться в наложившихся друг на друга и перепутанных цепочках отпечатков лап и копыт не так просто, а на лучшего следопыта без наличия обученной промысловой собаки Данила и не пытаются претендовать.

Поэтому прямо направился в дубовую рощу. Олени обожают такие места. Они роют копытами под деревьями, доставая упавшие желуди. Прошлый год был богат, по приметам это к холодной зиме, но пока будущая погода не особо волнует. Был хороший шанс встретить оленя или кабанов возле дубов, и он вполне оправдался. Помет оказался еще теплым, выходит, зверь ушел совсем недавно. Как по заказу закричала предательница-сойка. Каждый охотник прекрасно знает, что это служит признаком того, что там укрывается какая-нибудь дичь. Может, конечно, она просто возмущается конкуренцией, потому что тоже обожает желуди и олени с дикими свиньями их отбирают, но примета верная.

Медленно, очень медленно Данила прокрался в чащу, в любой момент готовый к выстрелу. Как ни старался, не мог разглядеть животных среди веток и травы. Они прилегли и были совершенно незаметны. Тогда он остановился и резко свистнул. Буквально в десятке шагов поднялся недоумевающий олень с настороженными ушами и широко раскрытыми глазами. Он стоял неподвижно, внимательно прислушиваясь, готовый бежать при малейшем движении. Видимо, этот странный звук слышал впервые и не мог сообразить, как реагировать. Парень мгновенно выстрелил в животное, и зверь прыгнул в сторону, стремительно умчавшись, только мелькнул забавный белый хвостик, а на земле остались пятна крови. Попал!

Теперь надо не упустить. Обычно прямо идти по следу – глупое занятие. Устраиваясь отдохнуть, звери поворачиваются мордой к тропе, по которой только что пришли. Некоторые поступают еще осторожнее: сделают круг и ложатся в сторонке, откуда им видно каждого, следующего по той же дорожке. Охотника они пропускают, потом потихоньку встают и убегают. Правильно – определить направление, которого держится олень, и подходить к удобному для наблюдения месту круглым путем. Но не в данном случае. Сейчас кровь была достаточно заметна и капала щедрыми порциями. Животное слабеет и далеко не убежит.

Так и оказалось. Не прошло и четверти часа, как он обнаружил лежку, с которой с трудом поднялся раненый олень. Взор несчастного был наполнен страданием, и он едва ковылял. Второй выстрел прервал бессмысленные мучения зверя. Азарт схлынул, и пришло время взглянуть на добычу трезвым взглядом. К счастью, это оказался не самец в расцвете сил, а еще молодая особь. Иначе пришлось бы тащить добрый десяток пудов мяса. А так, после разделки и небольшого обеда, останется не больше пяти. Нормальный походный вес два – два с половиной пуда за спиной. Здесь идти недалеко – дотащит.

Кости и внутренности достанутся здешним хищникам – у ручья видел отпечатки лап волков и семейства серых медведей: мать с двумя медвежатами. Связываться с ними, при его возможностях, не рекомендуется. Спасибо, конечно, Баюну за сообщение о кремнях в недалеком ручье, но качество и количество не удовлетворило даже его скромных запросов. Полтора десятка наконечников для стрел – вот и все, чего достиг. Все же правильно

обрабатывать камни его не учили, и пришлось долго возиться, перепортив попутно несколько хороших камней. С другой стороны, недавно он и на такое не мог рассчитывать, так что большое спасибо говорливому ягуару.

Хотя иной раз и не знаешь, где кончается правда в его словах, а когда тот врет. На всякий случай лучше в подобных вещах придерживаться осторожности. Но вот с клещами какой смысл обманывать, решил, снимая рубашку, чтобы вновь не запачкать при разделке туши, и заодно тщательно осмотрел швы. С отвращением обнаружил парочку клещей и раздавил их. Вот как проверить откровение, если не на практике, однако совсем не улыбалось ставить подобные опыты на себе. Лучше перебдеть, чем недобдеть, говорил когда-то отец, хотя и совсем по иному поводу.

Баюн утверждал, что некоторые виды клеща весной и летом способны при укусе заразить какой-то гадостью, несмотря на свои малые размеры. Как крысы переносят чуму, так и этих букашек надо стеречься. И по описанию эта болезнь вызывала нехорошее подозрение на имеющуюся в их домашнем лекарском справочнике «северную лихорадку». Полный набор симптомов – от внезапной горячки, головной боли и тошноты с рвотой без всяких причин вплоть до судорог, паралича и смерти. А на вопрос, что же делать, предложил почаще осматривать в эту пору одежду и некую мазь, рецептом коей готов поделиться. Правда, не сейчас и за определенную плату.

Даниле предложение не очень понравилось. Чем расплачиваться с Баюном, даже спрашивать не стал. А вот клещей старательно высматривал. Хуже не будет, и слава богу, что эти насекомые южнее не водятся. В их краях про такое и не слышали.

Он снимал шкуру привычными, знакомыми с детства движениями, совершенно не задумываясь. Бессознательная механическая работа не требовала участия мозгов, и очень удачно, поскольку можно было обдумать недавнее высказывание его странного знакомого. Не так сложно догадаться, что Баюн выдает полезные сведения очень дозированно и обдуманно, выкладывая кусочки знаний в качестве поощрения, в отличие от складных баек про прежние времена, от которых не холодно и не жарко.

Вот смысла Данила пока в его расспросах не заметил. То есть чисто новостями из словенских земель его ответы являлись лишь частично. Зачем странному коту в северной чаще... ну пусть в буковой роще выяснять родственные связи его семейства и профессии практически всех знакомых, представить не получалось. А ведь какой-то смысл в этих допросах присутствовал. Жаль, не виден. И это всерьез настораживало.

Тайн Данила никаких не раскрывал, да от него это и не требовалось. Баюн выпрашивал обо всем подряд – от последних новостей из Китежа до решения Собора о межевании. Ягуар скакал в расспросах туда-сюда и частенько перебивал их изложением баек или старинных историй. Но интерес определенно присутствовал. Не зря за Данилой увязался. Одновременно на сказочные действия ничуть не похоже. Внутренностей не выедал, в камень не превращал (в роще никаких скульптур прекрасных или нет, или не нашлось). Там вообще помимо деревьев ничего подозрительного, включая алтарь со следами крови или подношениями от просителей, не обнаружилось.

Ходить куда угодно Даниле не возбранялось, но было твердое ощущение, что лучше не рисковать с побегом. Догнать ягуару ничего не стоит, и пока просит задержаться и побеседовать, не приказывает, зачем раздражать? В холодную пору принялся бы проситься уйти, а сейчас зачем? Еще несколько дней ничего не изменят.

Есть немалый шанс, что Данила просто не видел ничего неприятного, зачарованный,

однако по этой части имелись серьезные сомнения. Никаких доказательств подобного рода он не обнаружил. Даже звери не приходили согласно канону, чтобы прыгнуть в пасть. Ничего не значит, но с какой стати человека стесняться и бегать за зайцами? Вот сейчас отказался идти на охоту, а почему? На лень не похоже.

Больше всего Данилу занимало известие о городах чужаков-людей на восточном конце земли. Якобы приплыли они всего несколько десятков лет назад из-за океана, а не пришли обычным путем из иных миров. То есть не просто живут где-то там далеко, а имеют достаточный уровень, чтобы строить большие корабли. На дикарей совсем не похоже и может быть интересно. Новые люди, иные товары и идеи. Удачно для торговли, и кто первым наладит связь, многое получит, снимая сливки. Это не вспоминая про славу первооткрывателя.

Неоднократные попытки обогнуть на кораблях континент и пройти морем на восток неизменно до сих пор заканчивались неудачами. На севере прорваться сквозь льды не удавалось. Даже экспедиция князя Ростислава, готовая следовать по кромке земли в случае невозможности плыть или переждать зиму, заранее приготовив немалые запасы, почти целиком погибла от холода, в катастрофах и штормах. Вернулись немногие, и больше экспедиций с дальним прицелом в ту сторону не предпринимали.

Юг, как выразился Баюн, вторая часть весов, тоже оставался практически недоступным. Вдоль берега шло холодное течение, и хотя рыбы и морских животных там водилось огромное количество, узкая полоса перед мощной цепью гор, вздымающихся до облаков, была пустынной и бесплодной. Можно было остановиться на отдых, но нельзя подняться выше.

Тамошние жители разве отдаленно напоминали людей и крайне не любили вторжений на свою территорию. Терпели внизу и менялись товарами, но дружбой там и не пахло. Несколько раз по неизвестным причинам команды кораблей уничтожали. То есть плыть можно было долго и бесплодно. И по слухам, проход на восток далеко на юге по морю имелся. Только никто его не прошел до сих пор. Уж очень опасен из-за множества скал и штормов. А на берегах проживают недружелюбные племена, родственные горцам. Самый дальний удачный поход продолжался тридцать два дня, и выхода не обнаружили. Продовольствие закончилось, и команда взбунтовалась, требуя возвращения.

Прямой путь на запад по океану тоже ничего не давал. Огромная водная пустыня, откуда частенько корабли не возвращались. Четыре месяца плаванья и пустота. Даже если они живут на шаре, как утверждают астрономы, размер его столь огромен, что требуется совсем иная постройка судов и многочисленная экспедиция, финансируемая церковью. Больше никто не потянет столь огромного финансового груза. А Патриархату незачем входить в расходы. Его не интересует то ли существующая, то ли нет земля далеко. И так навалом под боком, и важнее контролировать население в уже колонизированных территориях.

Путь на восток по рекам наиболее подходящий. Тем более что достаточно уверенно можно ориентироваться на то самое Великое озеро и выходящую из него реку. Карта была бы крайне полезна, но и этих сведений достаточно для использования. Дорогу способны подсказать дикари, идти наверняка придется по Дону и дальше. Путешествие важно и полезно. Ведь есть вариант, что пришельцы могут оказаться опасными. Раз уже есть большие поселения, неминуемо приживутся и начнут распространяться навстречу, пока не столкнутся рано или поздно со словенами. И лучше знать заранее, чем дышат и каким богам молятся.

– Ну? – сказал в голове нетерпеливо Баюн. – Готов? Пошли! – и зашагал рядом, даже не пытаясь приноровиться к шагу.

Нечто подобное Данила ожидал, когда, вернувшись, обнаружил у своего шалаша двух людей. Даже если не обращать внимания на одежду, обычную для лесных племен и частенько используемую охотниками, с первого взгляда заметно, что они полукровки. Немного иной разрез глаз, плоский нос, выдающиеся скулы и более темная кожа. При этом обычные для сеземцев длинные косы отсутствовали, стрижка под горшок, и у обоих растет борода, чего у дикарей обычно не наблюдалось. Если и появлялась, так три волоска, на манер козлиной. У этих – вполне знакомые словенские.

Попытка заговорить осталась втуне. Ни одного из знакомых наречий они не разумели или изображали отсутствие понимания. При этом были дружелюбны, готовы помочь и явно знакомы с Баюном. Тот при случае «переводил» просьбы, передавая напрямую. Гости ничуть не удивлялись обращению от ягуара. А вот для Данилы дополнительный урок. Кот вполне может общаться индивидуально, не включая людей в общую беседу. А значит, и отдавать неслышные остальным команды. А это неприятно и опасно. В любой момент могут последовать неожиданные действия, и он не готов к таким выкрутасам.

Самое занятное – это наличие у них в одежде (в виде украшений, пряжек и прочего), а также в оружии (ножи, наконечники стрел) множества железных, неплохого качества вещей. Сеземцы практически никогда не умели работать с металлом, и не приходилось слышать, чтобы ставили клеймо. А на ножах (по просьбе показали) оно присутствовало и смотрелось достаточно странно. Изображение медведя – символ достаточно известный. У дикарей принято считать, что племена происходят от разных животных. Топтыгин Михайлович в преданиях Хионии частенько назывался человеком в шкуре и похищал женщин с целью получения наследников. Такие, естественно, становились оборотнями. Они считались искусными магами, наделенными к тому же колоссальной физической силой.

Но вот сидящего на загровке Хозяина леса кота в рисунке он увидел впервые. Конечно, образы достаточно схематичны, но на прямой вопрос, то есть фактически тыканье пальцем в Баюна и затем в нож, дружно кивнули. То есть не просто некое животное, а очень конкретный зверюга. На что конкретно намекало клеймо, в такой содержательной беседе не выяснить. То ли победил ягуар зверя, то ли подружился, но первое впечатление оказалось верным. Не просто так зашли ребята, а прекрасно зная, кто здесь живет. Они имеют какое-то отношение к здешнему владельцу рощи. Видимо, ожидание закончилось. Вел его Кот, твердо зная куда и неизвестно, на пользу ли Даниле. Делать все равно нечего. Надо идти дальше, внимательно смотреть и слушать.

Ха! Прямо по заказу. Один из провожатых негромко сказал нечто приятелю. Парень в очередной раз ничего не понял, но корни у слов определенно известные. Все время мелькает знакомое, и кажется, чуть-чуть – и станет ясно. Ничего подобного. Это не разница в произношении. Любых словен он понимал на слух почти без напряжения, независимо от проживания. Кто-то больше «акал», многие «окали», южане будто кашу жевали и тянули слова, северяне частенько подменяли слова и выражения какими-то своими, специфическими. Тем не менее, при определенном навыке затруднения в общении отсутствовали. А здесь будто издеваются.

– И чего странного? – потребовал Баюн, когда Данила его догнал в очередной раз. Двигался зверь быстрее человека и не собирался придерживать шаг. Приходилось время от времени переходить на более высокий темп или совершать легкие пробежки. Ей-богу, когда они шли сами и тот шарился по кустам, удобней обстояло. – Вспомни вашу Священную книгу и каким языком она написана. С трудом оригинальный текст воспринимаешь. На самом деле разговорный и церковнославянский различались изначально. Это видно хотя бы по старым записям.

Иногда, когда этот подозрительный тип говорит, хочется в изумлении качать головой. Неужели читал эти старые книги или живет с тех самых пор? Страшно подумать, сколько тогда Баюну лет.

– Если возьмем нынешнее поколение, оно говорит на языке своих родителей. С маленькими отличиями. Ну, например, «картоха» вместо «картошка». Возражения есть?

– Нет, – озадаченно признал Данила. При желании еще десятков легко вспомнится. – Но это у нас, а где-то так не произносятся.

– Конечно. В мире имеется большое разнообразие местных говоров, а иногда даже довольно сильно различающихся между собой диалектов. И ваши соседи, и ваши родители прекрасно понимают детей или живущих рядом. Одновременно на протяжении жизни многих поколений малые изменения накапливаются, и язык отдаленных предков становится непонятен, но для существующих в конкретный период поколений этот процесс незаметен, язык всегда ощущается как один и тот же. Это первое.

– Есть и второе? – изумился парень.

Его новые знакомые оглянулись на голос, сообразили, что не к ним обращается, и невозмутимо продолжили движение.

– А как же! Существует такая занятная вещь, как заимствования слов из чужих языков. Парус – это то же слово, что греческое «фарос» в славянском исполнении. Да и из церковного лексикона много взяли. Но это самое начало. На Дону, в Тмутаракани и Причерноморье во времена вашего драпа от пришедших с востока врагов...

Звучало обидно, но так оно и есть, хотя принято употреблять другие слова. Второй Исход звучит много приятнее и сближает с древностью.

– ...жила масса всякого разноплеменного народа. Слова «половцы», «булгары», «аланы», «черные клобуки», «хазары» тебе что-нибудь говорят?

– Ага, – на всякий случай не стал Данила распространяться о подробностях, потому что не дошло, к чему ведет.

– Родные языки у них достаточно близки, чтобы понимать друг друга, но серьезно отличаются от славянских наречий. Уже тогда часть слов употребляли наряду со славянскими: конь и лошадь, шатер, богатырь, орда. Их множество. И очень многие жившие в Тмутаракани и Китеже были изначально двуязычными, им приходилось общаться с соседями. Часть этих племен пришла сюда вместе с остальными. В результате перехода, растворившись со временем в едином народе, они подарили огромное количество слов, которые ты воспринимаешь родными.

Никогда Данила не задумывался, но так и есть. Попался как-то в Житии текст от лица какого-то печенега, требующего дани и подчинения, и почти все без особого напряжения разобрал. А он точно не на славянском речь произносил.

– А затем добавились местные слова. Картошка, кукуруза, хлопок, помидор, перец, подсолнечник, тыква, фасоль...

– Достаточно, я понял.

– Индейка, нутрия, ондатра, плоскомордый медведь, мамонт, морская корова, гигантский ленивец, тапир, морская черепаха, горный лев, ягуар, благородный олень, койот, рыжий и великий волк...

– Ничего этого не было в том мире? – недоверчиво переспросил Данила.

– Кто его знает. Должны были многие водиться, но не в ваших землях. Это же сразу видно по названиям. Мамонта вы можете назвать шерстистым слоном, зубра – туром и так далее, или вообще горного быка – овцебыком, а про остальных перечисленных, как и про гиену с бегемотом, никогда не слышали и используете слова лесных племен, как и во множестве термины, относящиеся к охоте, рыбалке и сельскому хозяйству.

– Значит, мы говорим совсем иначе, чем прежние?

– Иногда мне кажется, – с сарказмом поведал ягуар, – что твои потуги на образованность свидетельствуют о гордыне, а не о реальности.

– Ты мудрый, – пробурчал Данила, – чрезвычайно. Объясни незнайке.

– Вы давно другой народ. Не тот, пришлый. Подчеркиваю, сегодня мужчина у вас зовется словенин, женщина – словенка, а язык – словенский. Не уверен – вернись назад, там поймут. Существенная разница в произношении вылезала уже при Гермогене. И то: сотни лет раздельного развития! Вы уже два разных племени, и скажем откровенно, здешние более отсталые и медленнее развиваются в сравнении с тамошними.

– Это еще почему? Откуда тебе знать?

– Чем больше народ, – снисходительно сказал Баюн, – тем чаще появляются новые идеи. Не станешь отрицать, что ушло малое количество, и даже последующие святые, приводя новых людей оттуда, ничего кардинально не изменили?

– То-то с радостью бегут сюда, если у них так замечательно.

– Развитие не означает всеобщего счастья, – опять этот покровительственный тон учителя по отношению к бестолковому ученику. – Огнестрельное оружие родилось там, а это означает более кровопролитные войны, согласен?

– Наверное, так.

– А есть еще другие государства, ведущие войны. Нападения извне. Но оттуда же идет и торговля, а также новые мысли и технологии. У тех давно все занято, поделено, и девственный ум подвергается новым соблазнам...

Опять неприятные намеки про словен. Ей-богу, отвратно слушать, но ведь правду говорит.

– ...Но одновременно приходится трудиться за малую плату, что многих подстегивает искать возможность изменить инструменты, механизмы и даже способы получать выше урожай.

Ягуар изящно перескочил через очередное упавшее от старости огромное дерево. Данила не полез сразу. Иные, давно уже сгнившие под ковром мха, покрывавшего ствол, проваливались под ногой путника. Обходить тоже долго, эти ребята несутся, будто из железа сделаны. По виду и не догадаешься, насколько выносливы. Уже давно не мешает привал сделать.

– А вас кинули в котелок – и булькаете, – продолжал Баюн, причем расстояние на звук никак не влияло. – Соли с набором прочих травок для вкуса не добавляют. Неисчерпаемое количество плодородной земли «сразу за околицей». Люди, если им не платят больше, чем можно взять в среднем с земли, просто уходят в другое место. Жизнь очень мало меняется с

годами. Только немногие пытаются наладить производство. От фитильных фузей к кремневым замкам шли добрых двести лет, и следующего шага не совершили. А зачем, раз и так хорошо?

– А ты сможешь придумать запросто новое? – постаравшись вложить в вопрос все недоверие, догнав, сказал Данила.

– Мальчик, зачем это мне? Чтобы вы размножились еще больше и свели вообще все леса, распахав их под рожь? А я куда пойду? Я просто излагаю теорию. Верить ей или с негодованием отвергать – твое личное дело. Как и шуметь об этом на всех углах. Не думаю, чтобы подобные идеи понравились церковникам. Чем люди дремучее, тем проще их держать под контролем. Морская торговля – зло, и вообще дальние походы – никчемные траты. Их даже устраивает, что южные горцы не желают иметь с вами дела.

– А какие они, живущие на вершинах? Правда нелюди?

– Да тоже человеки обыкновенные, только железа не знают. Медь используют, иногда бронзу, но все больше камнями обходятся. Даже построили государства и вечно дерутся между собой. Хотя частенько их специально ссорят. Пуртанам не нужно объединение и экспансия вниз.

– Кому?

Баюн замолчал и продолжил не сразу. Впечатление, что не очень хотел уточнять. Хотя, может быть, все это специально. Не проговорился, а кинул неизвестно зачем намек. Проверить все равно не удастся. Разве позднее.

– Жители джунглей на южном континенте, за горами. Они практически не выходят оттуда и существуют за счет растительности, очень мало используя искусственно созданные инструменты. Даже почти не охотятся. Мясо не особо употребляют.

– И чем это отличается от здешних племен, ну помимо дичи?

– Магией, мальчик. Они живут в полном довольстве и не желают никаких изменений. Горы и их жители являются как бы барьером на пути к их родным местам. И любого, посмевшего вторгнуться, обязательно уничтожат. Пуртаны способны на очень многое и изменили с целью существования в джунглях себя не только внешне, но и внутренне. Помимо всего, детей у них с людьми не появится, хотя корни с горцами общие. Самое умное – просто оставить их в покое.

Глава 7. Сеземцы

Когда долго бродишь по лесам, бесконечные силуэты деревьев невольно утомляют взгляд. Отец рассказывал, некоторых людей поражает странная болезнь – помутнение разума. Необитаемые огромные просторы зачаровывают, и случается, уже идут не соображая куда, до самой гибели, наполовину потеряв рассудок. Потому даже самый необщительный человек испытывает невольно радость при виде жилья.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Май.

Компас.